

Михаил Савеличев

Анизотропное шоссе

«Снежный Ком»

2020

Савеличев М. В.

Анизотропное шоссе / М. В. Савеличев — «Снежный Ком»,
2020

Мир огромен и сложен. Чтобы убедиться в этом, нужно свернуть с привычной автострады на неприметную дорогу и поехать по ней, за каждым поворотом обнаруживая всё новые и новые миры, похожие и не похожие на наш...
Миры, где строят космические лифты и устраивают образцовый быт на Марсе, миры, где динозавры не вымерли и сосуществуют с человечеством, миры, где машины пытаются по-своему переиграть Ветхий Завет. Но самое удивительное, что это действительно наш мир, наша планета, наш век...

© Савеличев М. В., 2020

© Снежный Ком, 2020

Содержание

Дороги, которые выбирают,	6
Пролог	7
Часть первая. Шоссе энтузиастов	26
Синдром Федоры	26
Глава первая. Руины и люди	26
Глава вторая. Люди и киберы	27
Глава третья. Киберы и тектотон	29
Глава четвертая. Тектотон и кофе	30
Глава пятая. Кофе и обман	32
Глава шестая. Обман и вера	33
Глава седьмая. Вера и бездействие	34
Глава восьмая. Бездействие и отчаяние	36
Глава девятая. Отчаяние и погоня	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Савеличев

Анизотропное шоссе

Сборник фантастических повестей и рассказов

Серия «Снежный Ком: Вакцир»

* * *

Дороги, которые выбирают, или Вместо предисловия

Каждый писатель-фантаст на определенной стадии своего ученичества, которое само по себе продолжается всю жизнь, начинает активно участвовать во всяческих конкурсах или коллективных сборниках, формирование которых также представляет своего рода состязание, но наградой служит не призовое место, а возможность опубликоваться.

Не миновал этот период творческой жизни и я, одно время поставив себе цель ввязаться в участие в любом конкурсе или сборнике, главное, чтобы там имелась возможность получить бумажную публикацию. Это хорошая школа для писателя, так как обучает важным вещам – способности писать на заданную тему, укладываясь в ограниченный объем, и, что не менее важно, соблюдать дэдлайн, ибо все жестко – не успел – пролетел. Ничто так не развивает воображение, как ограничения.

Представленные здесь рассказы и повести написаны именно по такому поводу – для участия в конкурсах и тематических сборниках, но большинство из них так и не были опубликованы, опять же по разным причинам – одни не понравились судейской коллегии, другие не вписались в формат сборников, третьи – в формат вписались, но сами сборники не выпущены по независящим от составителя обстоятельствам.

Эти рассказы и повести лежали в архиве, но я не терял надежды все-таки их пристроить (удивительно, но так и получилось в данном случае, ибо два рассказа, первоначально включенные сюда, были приняты к публикации, так что пришлось их изъять), ибо мне казалось – они могут найти своего читателя. Однако современные издательства авторские сборники произведений короткой формы не жалуют, если только вы не Стивен Кинг или Виктор Пелевин, поэтому я решил все же сборник составить, но опубликовать его самостоятельно, благо в последнее время у писателей имеется альтернатива – независимые электронные платформы.

Собрав рассказы и повести, я с некоторым удивлением обнаружил, что все они укладываются в определенную концепцию, которую не буду здесь приводить, ибо она закодирована в названии, позаимствованном у Аркадия и Бориса Стругацких, а более подробно изложена в небольшой повести «Карьера Димы Горина», которая служит своего рода прологом. Поэтому без особых натяжек могу назвать данную книгу своего рода мета-повестью или даже метароманом, который, несмотря на сюжетную законченность каждой из глав, тем не менее обладает единством общего замысла или, если угодно, идеи. У меня имелось желание назвать сборник более прозрачно: «Дороги, которые нас выбирают», перефразировав О. Генри, но обнаружил, что подобная литературная игра неоднократно придумана не только мной и использована другими авторами, тогда как теперешнее название книги, кажется, не столь распространено. Впрочем, О'Генри я всё же перефразировал, но ограничился его использованием для данного предисловия.

Хочу высказать особую благодарность людям, которые в свое время проводили конкурсы фантастических рассказов и повестей, разбирали их на семинарах, давали ценные замечания и формировали сборники. Вот эти люди, без стимула которых данные произведения вряд ли были написаны: Сергей Чекмаев, Глеб Гусаков, Дмитрий Скирюк, Дмитрий Казаков, Дмитрий Володихин, Виктория Балашова.

И еще огромная благодарность художнику Сергею Орехову, чьим трудом и талантом создана обложка этой книги.

Все мы путешествуем по дорогам воображения, и порой они заводят нас в весьма причудливые миры...

Пролог

Карьера Димы Горина

– Я теперь часто вспоминаю это шоссе, – сказал Пашика. – Будто есть какая-то связь...

Шоссе было анизотропное, как история. Назад идти нельзя. А он пошел.

И наткнулся на прикованный скелет.

А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом

Я за то, чтобы у каждого жителя Советского Союза был автомобиль. Личный, либо взятый на прокат. Это капиталистические страны и города задыхаются от бесконечных пробок, а в нашей стране места хватит всем – и автомобилистам, и пешеходам. Тем более, что пешеходов надо любить. Ведь они, хоть и большая (пока), но в исторической перспективе – исчезающая часть человечества. Ибо нет такого пешехода, который не мечтает обзавестись железным конем.

Я двигался к месту своего назначения, и подобные мысли привычно мелькали в голове, как дорожные знаки, когда из леса на обочину шоссе вышли двое, и один из них, в длинном черном плаще с накинутым от морозящего дождя капюшоном, поднял руку, голосуя проносившимся мимо машинам. Разглядеть их лиц в близких сумерках было невозможно, но что-то в их фигурах мне понравилось. Основательность, что ли. А может спокойствие, с каким они воспринимали тот факт, что возвращающиеся с дач автомобили не имели свободных мест для еще двоих.

У меня места имелись. Зойка решила поехать в город с утра на электричке, дачного барахла оказалось не много, поэтому я съехал на обочину чуть впереди голосующих и дождался, пока они подхватят ведра и лукошки и столь же основательно и спокойно подойдут к машине.

Тот, который был в накинутом капюшоне, приоткрыл дверцу, просунулся внутрь и спросил:

– Извините, товарищ, до развилки не подбросите?

– Забирайтесь, – кивнул я, – один вперед, другой назад, только барахло там подвиньте.

– Благодаритель! – На заднее сидение втиснулся толстячок в клетчатой кепке. Капли дождя стекали по щетинистым щекам. – Я же говорил, Григорий, дальше надо выходить, дальше! Кстати, Панкрат, – и он сунул мне пухлую ладошку, у которой оказалось на удивление крепкое рукопожатие.

– Кстати, Григорий, – сказал севший рядом со мной Григорий, в отличие от своего товарища худощавый, черноглазый и горбоносый. Ни дать, ни взять – гость с юга. – В следующий раз сам будешь за маршрутом следить, – обернулся он к Панкрату.

– Я не могу следить за маршрутом, когда собираю грибы, – возразил сзади Панкрат и просунул между нами огромную корзину, набитую грибами с редкими вкраплениями жухлой листвы. – Я увлекаюсь. И вообще, если бы не я, таких красавцев ты бы ни в жизнь не нашел.

– Кстати, Дима, – сообщил я попутчикам и тронул автомобиль. Старенькая «Волга», ГАЗ-21, наследие отца, реанимированное неимоверными усилиями всего нашего гаражного кооператива, недовольно урча от прибавки груза вновь покатила по шоссе. – И, кстати, что за развилку вы имели в виду?

– Очень приятно, Дима, – сказал Григорий. – Тут недалеко, я покажу. Не хотелось вас беспокоить, честное слово. Но так получилось – мы не одни в лес выехали, а всей лабораторией, на автобусе. Там, наверное, уже собрались, только нас ждут. Если бы не Панкрат...

– Если бы не Панкрат, ты бы только мухоморов насобирав, – пробурчал толстячок. – Тебя весь научный коллектив поднял бы на смех.

– Научный коллектив, товарищ Панкрат, отличается особой тактичностью, – хладнокровно сообщил Григорий. – Главное в тихой охоте – не результат, а участие.

– Вот и славно. Значит, грибы я беру себе.

– Если они беспокоятся, можно позвонить, – прервал я пикировку новых попутчиков. – У вас есть телефон?

– Хм... – Григорий посмотрел на меня, потом повернулся к Панкрату, будто собираясь что-то спросить у того. Но толстячок воскликнул:

– Даже и не спрашивай!

– Нет, позвонить мы не можем, – Григорий сел ровно. – Наверное, это было бы любопытно. Лес, бездорожье и телефонная будка. И звонок, – он хмыкнул, покопался в кармане, но вместо ожидаемого мною мобильного достал пачку сигарет.

– И мне, – толстячок подался вперед, протянул руку. Григорий вложил в страждущую пятерню сигарету.

– Будете дымить, Дмитрий?

Спрашивать меня можно ли курить Григорию в голову не пришло. Будь здесь Зойка, она бы немедленно вспыхнула от подобной бесцеремонности и прочла большую лекцию о вреде пассивного курения и о том, как капля никотина убивает не только ни в чем не повинную лошадь, но и начисто отбивает у курящего заботу о ближнем и чувство такта.

– Нет, не курю, – сказал я, но попутчики намека не поняли и с видимым наслаждением закурили, приоткрыв окна.

– Вот так, дышишь, дышишь лесной свежестью и до того надышишься, голова болеть начинает, – сказал Григорий.

– Ничего, завтра пройдет, – хихикнул Панкрат. – Вы все сроки нарушили, Зевс рвет и мечет. Молнии. И в каждой молнии – крик души: доколе?

– Дотоле, – Григорий положил пачку сигарет на приборную панель. – На то он и Зевс – рвать и метать. Но пока аппаратура не даст гарантированно заданную точность, акт не подпису.

– Подпишешь, – сказал Панкрат. – Шеф заставит. А потом будете еще полгода по башне Цандера вверх и вниз кататься, отлаживать калибровку.

У меня возникло странное ощущение. Я не понимал о чем они говорили, хотя можно предположить, что речь шла о какой-то исследовательской лаборатории, близкой сдаче важного проекта и связанными с этими тревожными. Обычное дело. Но нечто в их разговоре царапало, беспокоило, раздражало.

– Вы простите нас, мы о своем, – вдруг сказал Панкрат, словно почувствовав мое состояние. – Но тут такое дело, понимаете?

– Понимаю, – согласился я. – Наука. Такое дело.

– А вы, простите, по какой части? – поинтересовался Григорий.

– По банковской, – сказал я. – Считаю деньги и, по большей части, не свои.

– В сберкассе, значит, работаете, – протянул Панкрат, как мне показалось с искренним сочувствием. – Счеты, железный Феликс, нарукавники.

Странные у него представления о современных банковских служащих, мелькнуло у меня. Но возражать не стал. Дух офисного прозябания передан безукоризненно. Однако Григорий тоже что-то почувствовал.

– Все работы хороши, – сказал он. – Выбирай на вкус. У нас ведь не медом все намазано. Порой в такую глушь сошлют, хоть волком вой. Позавидуешь даже работникам сберегательной кассы... – тут он сообразил, что вновь невольно поддел меня. – Простите, право. Я не хотел.

– А кем вы мечтали стать в детстве? – опять встрял Панкрат. Моя профессия не давала ему покоя. Похоже, он искренне не понимал, как подобным можно заниматься. – Не в банке же работать?

– Нет, не в банке, – усмехнулся я. Но отвечать не торопился. Задумался. А кем, действительно?

Астрономом? Да, было дело. Книжки читал про звездное небо. Фантастику глотал. В бинокль на Луну и звезды смотрел. Но все как-то несерьезно, все равно. Страсти не было, что ли? Странно устроена жизнь – мечтаем об одном, а делаем совершенно другое. Кто в детстве мечтал стать уборщицей? Или золотарем?

Словно угадав мои мысли, Григорий покачал головой:

– Ну, Панкрат, не максимизируй. Мало ли кто кем мечтал стать? На то они и мечты, чтобы не исполняться.

– Не суди по себе, – обиделся толстячок. – Вот я, например. Кем хотел, тем и стал.

– Инженером лифтов? – хмыкнул Григорий. – Однако...

– Космонавтом, – буркнул Панкрат.

– Вы – космонавт? – Я недоверчиво посмотрел в зеркало заднего вида. Панкрат поморщился.

– Не слушайте вы его, – сказал Григорий. – Лифтовое хозяйство – это еще не космонавтики. Как и собаководство.

– При чем тут собаководство? – не понял Панкрат.

– Ну, Белка со Стрелкой в космос летали?

– Летали.

– Вот, – веско сказал Григорий и постучал по пачке сигарет. Только теперь я обратил внимание на изображенную на ней собачью голову. Сигареты «Друг». Красная картонная коробочка, а не бумажная пачка в целлофане.

– Так что, по-твоему моряком может считаться только тот, кто пересек Атлантику под парусом, а кто переплыл ее на теплоходе вовсе и не моряк?

– Неточная аналогия, – возразил Григорий. – Не переплыл на теплоходе, а пересек на самолете. Ту сто сорок четыре.

Панкрат помолчал. Видно было – крыть ему нечем.

– А вообще, Дима, не переживайте, – неожиданно сказал Григорий. – Если работа нравится, так тому и быть. Надо ведь кому-то и в сберкассе пребывать... – последнее слово он сказал так невнятно, что мне послышалось «прозябать». Все же эти странные ребята меня искренне жалели.

Вот и Зойка об этом пилила. В том смысле, что не надо прозябать, а надо себя показать. Проявить в полный рост. Добиться повышения. Перевода в головной офис. А там... что там она не говорила, только глаза закатывала. А мне в голову немедленно проникала крамольная мысль – как хорошо, что мы не женаты. Одно дело – товарищеский совет, и совсем другое – совет супруги. Я ей даже боюсь про свой прокол говорить, когда столь досадно ошибся в расчете приехавшего из тайги парня. Он на всю бригаду деньги получал, а тут – конец дня, и не просто дня, конец рабочей недели, завтра воскресенье, все расслаблены и предвкушают. По хорошему следовало его завернуть, приходите завтра, мол. Точнее – послезавтра. Но незадолго до его появления в офисе у меня состоялся разговор с начальником, в котором тот намекнул, что на меня имеются серьезные виды, вот я и размяк душой и сердцем. А заодно и разумом. Обсчитался и выдал лишнего. Хорошо, парень честный попался – пришлось слать в тайгу телеграмму с просьбой вернуть часть нажитого непосильным трудом дровосеков. Иначе пришлось самому туда тащиться. В глушь. В тайгу. Но после этого случая намеки со стороны начальства пресеклись. Наверное, передумали. Пока.

А что случилось, если бы действительно пришлось тащиться в тайгу?

– Здесь, – сказал Григорий, но, задумавшись, я проехал еще и только затем остановился на обочине.

– Извините, – сказал я, осматриваясь. – Не замечал раньше здесь развилку. И указателей нет...

– Ничего страшного, – весело запыхтел Панкрат, – вы нас здорово выручили! И... э-э-э... рубль совать вам как-то неудобно...

– Вы это прекратите, – сказал я как можно строже, – я же не из-за денег.

– По зову сердца, – сказал Григорий. Серьезно сказал, без намека на насмешку.

– Точно.

Они выбрались из машины, причем Панкрат возился долго, собирая выпавшие из лукошек грибы, и неторопливо пошли в сторону дороги, которая ответвлялась от шоссе и скрывалась в густом лесу. Сквозь морось и сумрак я видел стоящий автобус, ярко освещенный изнутри, словно в салоне установлены мощные лампы.

Странно, но я и впрямь не помнил этой развилки, хотя давно езжу по шоссе на дачу и в город. Впрочем, чаще всего я это делаю, когда на соседнем сиденье сидит Зойка и треплется. И не только треплется, но и спрашивает о том, о чем только что трепалась:

– Ты как думаешь? А твое мнение?

Причем, мое мнение и мои думы ее действительно интересуют. Даже не знаю – хорошо это или плохо. По моему мнению и по моим думам все Зойкины проблемы яйца выеденного не стоят, но ведь так не скажешь. Обидится. Надуется. Отвернется, замолчит, будет смотреть в окно и водить пальчиком по стеклу. Ни дать, ни взять, великовозрастный ребенок.

Я включил навигатор. Сигнал принимался уверенно. Местоположение машины – желтый треугольник. И никаких развилочек. Прямое шоссе до самого города. Какие-то грунтовки, ведущие к далеким деревням и селам, что темнеют среди полей и холмов, поросших редкими перелесками, имеются, отмечены тонкими извилистыми линиями, а ответвления асфальтовой дороги от магистрали нет. Вот хоть тресни. Я зачем-то постучал ногтем по экранчику. Будто зывал к совести навигатора и заложенной в нем информации.

Ну, бывает. Верь, как говорится, глазам своим, а не навигатору. Автобус тем временем тронулся с места и неторопливо покати по дороге, и только теперь я понял что это ЛАЗ-695, редкий зверь в наших временах. В нем все также ярко горел свет, виднелись силуэты людей. Где среди них и мои случайные попутчики – Григорий и Панкрат. Станные попутчики, надо сказать.

А ведь я так и не понял, чем они занимаются. Какие-то научные работники. Или инженеры. А может и то, и другое – научные инженеры. О чем они говорили? О космосе. И еще, почему-то, о лифтах. Какая тут связь? Хотя, если пофантазировать, то прямая. На чем космонавты поднимаются в ракету? На лифте!

Да-а. Я рассеянно взял коробку сигарет «Друг», повертел ее. На обратной стороне нашлась дата выпуска. И цена.

1967 год.

Табачная фабрика им. Клары Цеткин, Ленинград.

Цена 30 коп.

Раритет. И зачем Григорий таскал ее с собой? А потом от щедрот душевных забыл здесь?

Коробка не выглядела старой. Выглядела она так, будто вчера сошла с конвейера, или что там у них, табачной фабрики им. Клары Цеткин в Ленинграде. Словно путешественник во времени купил ее сегодня утром в табачном киоске на Невском проспекте, а сегодня вечером, сорок лет спустя, в другом мире и практически в другой стране оставил в качестве сувенира подбросившему до развилки водителя на древней «Волге». Кстати, тоже прикатившей из тех времен. Только не с помощью машины времени, а так, своим ходом.

Потом в голову пришла совсем дурацкая мысль: что случилось со мной и моей карьерой, если бы все же поехал в Сибирь, в тайгу, искать того парня со странной фамилией Дробот, дабы вернуть денежный излишек, который я ему ошибочно насчитал? Вдруг мне бы там понравилось? В суровом краю непуганных медведей.

Тоже ведь развилка.

Которой я не воспользовался.

Пропустил. Проехал мимо.

Я включил заднюю передачу и медленно поехал к повороту на дорогу, по которой укатил ЛАЗ. Вырулил на развилку, включил поворотник, но все еще не решался нажать педаль газа. Пощупал внутренний карман, где лежал телефон. Что-то ведь и про телефон говорили... как-то странно они отреагировали...

Позвонить Зойке? Сказать – так и так, собираюсь исследовать загадочную дорогу, которая ведет непонятно куда. На что Зойка начнет немедленно допытываться и выяснять в мельчайших подробностях – что произошло? И мне придется давать ей отчет в мельчайших подробностях. Процедура, по опыту знаю, изнурительная. Имелся у нее дар вытягивать из меня вместе с информацией жизненные соки.

Да и что там могло быть? Даже смешно. Какой-нибудь маленький городишко, сколок когда-то могучего архипелага литературных городов, в которых ковался щит и меч Отчизны. Я даже припоминал, будто кто-то о чем-то таком говорил. Мало ли таких городков разбросано по просторам страны?

Пока я так раздумывал, «Волга» уже катила по асфальтовой двуполосной дороге вслед за уехавшим ЛАЗом, в котором находились и двое моих знакомцев, наверняка обсуждавшими странную и непонятную мне связь между космосом и лифтовым хозяйством.

– Так тому и бывать, – сказал я сам себе. Никому звонить не буду. Сделаю хоть раз в жизни непредсказуемый даже для самого себя поступок. Не бог весть, конечно, поступок – вместо возвращения в город предпринять вояж по местам оборонной и научной славы, да еще на ночь глядя. Это когда домой вернусь?

– Плевать, – сказал я-отчаянный себе-послушному. – Подумаешь, не выплюсь! Первый раз, что ли? А может, наберусь храбрости, и останусь в литературном городке переночевать! А что? Гостиница у них должна быть. Для командировочных. С утра пройду по городку, осмотрю достопримечательности – сталинский классицизм и хрущевские пятиэтажки. Вдруг, и музей сыщется? С образцами этого самого ракетно-ядерного щита.

Я зевнул и особенно остро ощутил окутывающую тишину. Шум двигателя не в счет. Нажал кнопку радио, покрутил настройку.

Радио жизнерадостно сообщило:

– Продолжается визит в нашу страну лидеров кубинской революции Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары. Премьер-министр Революционного Правительства Республики Куба товарищ Фидель встретил самый теплый прием у строителей Братской ГЭС...

Я с изумлением прослушал эту и другие новости, из которых почерпнул о других ударных стройках Советского Союза, где трудятся бригады коммунистического труда, о засыпаемых в закрома родины миллионах тонн пшеницы, о гастролях Большого театра в Великобритании, где выступления наших балетных артистов собирают неизменные аншлаги самой прогрессивной общественности этой капиталистической страны.

Станция оказалась незнакомой, да я и не любитель радио. Здесь больше по Зойкиной части – она постоянно что-то выискивает на волнах радиоэфира, в основном сладкозвучное, слюнявое. Новый формат, наверное. Для ностальгирующих по временам Советского Союза. Ретро какое-нибудь ФМ. А что? Забавно. Почему песни шестидесятых не перемежать новостями тех же годов? Вот и посещают СССР лидеры кубинской революции, стартуют в космос героические космонавты, ссыпаются в закрома родины небывалые урожаи целинной пшеницы,

встают на путь социализма все новые и новые страны Африки и Азии, освобожденные от оков колониализма.

Тем временем дорога продолжала оставаться пустынной. Лес вокруг становился гуще, и меж деревьев не разглядеть покинутую мной магистраль, по которой неслись многочисленные машины, возвращаясь с дач в город. И ни одного указателя. Даже знака. Например, впереди опасный участок. Или обгон запрещен. Нет, ничего. И автобуса не видно, хотя скорость я держал приличную. Приличную для моей «Волги», которая тоже из тех годов, шестидесятых. Чиненная-перечиненная руками деда и отца, верой и правдой стоящей на службе династии Гориных.

Династии, усмехнулся я. Трудовая династия бухгалтеров. Как-то не звучит. И словно в ответ радио разразилось песней о том, что ЛЭП-500 непростая линия. Интересно, а этот Дробот со товарищами тоже какую-то линию тянули? Или газопровод? Или нефтепровод? Вот ведь, не выходит из головы тот случай, вцепился в память как репей, не оторвешь.

Опять моросил дождь. Вяло и неохотно. Будто выполняя наскучившую обязанность. Лишь бы досидеть до конца рабочего дня и отправиться по своим делам. Я включил дворники, сбросил скорость.

И вовремя. За поворотом дороги открылся пост ГИБДД. Да не простой, а со шлагбаумом. Который был, к тому же, опущен.

– Приехали, – пробормотал я. Все же не судьба попасть в загадочный городок, где трудятся Григорий и Панкрат, проектируя лифтовое хозяйство для космических целей.

Пост представлял собой прозрачную будку, вознесенную высоко над землей. В будке горел свет и можно было разглядеть сидящего внутри человека. Инспектора, надо полагать. Вниз вела металлическая лесенка. Трап, поправил я себя. Наверное, надо преспокойно развернуться и ехать обратно, не солоно хлебавши, даже не вступая с дорожным инспектором в роскошь человеческого общения, но мне, почему-то, это показалось невежливым. Следовало испить чашу до дна.

Потому я остановился около шлагбаума и стал ждать. Сидящий в будке человек зашевелился, поднялся, облачился в плащ и стал спускаться по трапу. Только теперь я сообразил, что своим неожиданным визитом в литерный городок не только прервал сладкий сон человека на посту, но еще заставил выйти из теплой будки под дождь, что наверняка не прибавило ему хорошего настроения.

– Старший лейтенант государственной автоинспекции Кондратий Хват, – представился он и наклонился к опущенному мною окошку. – Здравствуйте!

Имя и фамилия инспектора произвели должное впечатление. Но его «здравствуйте» окончательно выбило из привычной колеи общения с постовыми. И дело не в том, что он сказал, а как он сказал. Тепло и по доброму. Будто не по моей вине ему пришлось выйти под дождь.

– Здравствуйте, – сказал я и протянул документы. – Извините за беспокойство, – я решил не уступать Кондратию Хвату в вежливости.

– Ну, что вы, какое беспокойство! Это наша работа. Служба. Долг. Понимаете? – Он перестал разглядывать мои права и посмотрел на меня.

У меня возникло предчувствие – сейчас этот добрейший инспектор выпишет такой штраф, мало не покажется. За что? Мало ли. Нечего сворачивать с привычной магистрали туда, куда не приглашают.

Но инспектор отдал мне документы, опять наклонился к окну и доверительно поинтересовался:

– Хотите туда проехать? – Для пущей определенности махнул рукой за шлагбаум.

Все во мне взывало сказать: нет, не желаю. Свернул случайно, совершил глупость, и сейчас сделаю разворот на сто восемьдесят и двинусь домой, где ждет ипотечно-уютная квартира, уютная постель и всеми фибрами души любимая служба.

Но тут аккурат над головой наклонившегося инспектора вспыхнул огонек. Потом еще, еще, обозначая прямую линию, уходящую в небо. Наверное, их можно было принять за звезды, если бы не погода. Морось делала огни расплывчатыми, но они становились ярче и ярче, превращаясь в тонкую нить, соединившую землю и небо.

Инспектор тоже обернулся.

– По расписанию, – сообщил он, сверившись с часами. – Башня Цандера в это время маршрутный пропускает. Конечно, не так зрелищно, когда тяжелый состав идет, но впечатляет. Я поэтому люблю вечерние смены. И даже ночные – сидишь, смотришь на эту красоту!

Все же литерный городок, определилась окончательная мысль в ставшей набекрень голове. Секретные испытания сверхсекретного оружия. И тут я. Весь в белом. Пойди докажи, что ты после этого не верблюд, а заурядный банковский служащий.

– Все же решили проехать? – пробудил к жизни голос Кондратия Хвата.

– Ага, – сказал я. Все-таки имя и фамилия инспектора как нельзя лучше подходили к случившемуся. Хватанул меня Кондратий, хватанул.

– Хорошо, я слагбаум подниму. Удачного пути! – Инспектор козырнул и пошел выполнять обещанное.

Труднее всего оказалось сосредоточиться на дороге. Свет фар выхватывал из густеющего мрака влажный асфальт, придорожные кусты, а мне хотелось смотреть не вперед, а вбок, туда, где один за одним гасли огни, отмечавшие путь в небо. И ведь на галлюцинацию не спишешь! Ладно. Разберемся. Может быть. Теперь главное – добраться до города. Как, кстати, он называется? И ни одного указателя. И ни одной встречной или попутной машины. Дорога вымерла. Только я и звездное небо над мной.

И словно в ответ на тоску одиночества вспыхнул свет встречных машин. С легким шелестом шин мимо промчалась «Волга». Точно такая же, как моя. Еще кому-то повезло с наследством? Следом за ней промчалась машина с незнакомым обтекаемым силуэтом, и я, почему-то, решил, что это еще более древняя «Победа». Автопробег любителей раритетных автомобилей? Есть такие умельцы – находят древнюю рухлядь и проводят в порядок. Сам не раз бывал на подобных выставках. Может, такая в литерном городке проходила? И вот вереница шедевров автомобильной промышленности пятидесятых и шестидесятых годов направляется...

Я не успел додумать, так как мою гипотезу в пух и прах разбил аккуратненько меня обогнавший «Москвич-407». Потом сзади подперла еще одна «Волга», но на обгон не пошла, и я разглядел сидевшего за рулем очкастого парня со шведской бородкой и в джинсовой курточке. Рядом с ним сидела девушка и курила сигарету, вставленную в длинный мундштук, так что тлеющий кончик почти выглядывал в приоткрытое ветровое окно.

Автомобильный поток уплотнился, но не достиг тромбозной плотности, характерной для въезда в крупный город. А вот и название, собранное из огромных деревянных букв, к тому же ярко подсвеченных, да еще в обрамлении орденов. Орден Ленина. Орден Трудового Красного знамени. Но не это поразило больше всего.

Братск.

Братск!

Как я мог оказаться в Братске?! В городе на Ангаре? В Сибири?! За тысячи и тысячи километров от того, что называлось средней полосой европейской России?

Я настолько задумался и сбросил скорость, что сзади немилосердно засигналили. Хотелось подать на обочину и остановиться. Поразмыслить – куда и почему меня вывело анизотропное шоссе? Закурив попутно оставленные сигареты «Друг». Но я прибавил газу и въехал в город. Который, как и все современные города, начинался без разминки, без подготовки деревенско-одноэтажной или барачной периферии. Вот луг с копнами сена, а вот уже и пятиэтажки хрущевской эпохи. На удивление новехонькие, аккуратные, отнюдь не побитые време-

нем и отсутствием ремонта. Даже деревья вокруг домов еще не превратились в могучие стволы, заслоняющие жителям белый свет.

Куда ехать я, конечно же, не ведал. Поэтому выбрал поворот на самую широкую улицу, справедливо рассудив, что она-то выведет в центр этого Братска, который, естественно, не на Ангаре, точно так же как Обнинск отнюдь не на Оби. А название для литерного городка действительно хорошее. Братск! Все люди – братья.

Мне так и представился этот скрытый от посторонних глаз научный центр, где люди каждый день ходят на работу не на заводы, не в сберкассы, а в институты и лаборатории, где понедельник начинается в субботу, а по вечерам соседи обсуждают не очередной сериал из бразильской жизни, а эксперименты на синхрофазатроне. И все как один на работе в белых халатах. И белых рубашках с узкими темными галстуками. А девушки и женщины в полосатых платьях – приталенных и юбками-колокольчиками.

Широкая улица влилась в площадь с памятником, окруженным рядами цветников и подсвеченных разноцветными огнями фонтанов. Тут же имелась, как ни удивительно, стоянка, на которой сиротливо поблескивали несколько автомобилей все такой же давней номенклатуры – «Волга», два «Москвича» и «Победа». Ну, пора и ноги размять. Прогуляться по Братску пешочком.

Когда я выключил двигатель, то услышал музыку. Играли старый добрый джаз. На освещенных квадратах площади двигались танцующие пары, тлели огоньки сигарет стоящих около входа в кафе ребят, чьи белоснежные рубашки казалось сияли в приглушенном освещении. Прямо над ними размашисто горела неоновая надпись «Кафе Спиноза».

Я осмотрел себя и решил, что вполне гоюсь попить кофе в этом заведении. Там какое-то торжество – свадьба, наверное, но местечко за барной стойкой для страждующего путешественника завсегда найдется.

Джаз сменился более энергичной музыкой – рок-н-роллом, пары разбились, задвигались быстрее, подошвы и каблуки отбивали ритм, подошвы платьев взлетали, кто-то решился на акробатические номера, их окружило плотное кольцо хлопающих и смеющихся.

– Места еще есть? – спросил я очкастого бородача, чем-то напоминавшего давешнего Григория.

– Место завсегда найдется! – бородач фамильярно хлопнул меня по плечу, как старого приятеля. – Заходи, старик, располагайся!

Внутри тоже танцевали.

Некоторые столики были сдвинуты вместе и за ними умещалась целая компания, другие так и оставались враспынную. Я оглядывался, выискивая барную стойку. Свободных мест за столиками не наблюдалось, если стулья пустовали, то присутствие их обладателей обозначали висящие через спинку сумочки, пиджаки, пыльники.

– Товарищ! Товарищ!

Я не сразу сообразил, что кричат мне, пока не увидел девушку с забранными волосами. Она махала мне тонкой рукой. – Сюда, сюда! У нас свободное местечко!

Не люблю вливаться в незнакомую компанию, но девушка, словно сошедшая с обложки журнала мод шестидесятых годов, мне понравилась. Я двинулся к ней, обходя не на шутку разошедшихся рок-н-рольщиков.

– Извините за беспокойство, – начал было я, но девушка дернула меня за рукав, заставляя сесть.

– Ах, перестаньте! Что за церемонии. Я не люблю церемонии. Или вы принц? Царских кровей? Вот, возьмите, – сунула мне бокал с вином. – А это наша компания. Компания, скажите здравствуйте!

– Здравсьте, – вразнобой сказали сидящие. Здесь уже образовались пары и тройки, поэтому мое появление лишь мельком отвлекло их от роскоши человеческого общения, после чего все – три девушки и четверо парней – вернулись к ее, роскоши, вкушению.

Пригласившая меня девушка оказалась одна.

– Вас как зовут? Дима? Какая прелесть! А меня – Зоя! – Узкая ладошка сжала мою ладонь. – Вы не обращайтесь на них внимание, у нас тут кружки по интересам! – Зоя говорила громко даже тогда, когда музыка стихала. – Вообще-то мы празднуем. Закончили проект. Должны были закончить к ноябрю, но вот, напряглись. Даешь досрочное выполнение научных работ! – Девушка ракетой взвилась, вскочила на стул и высоко, как факел, подняла бокал. Ее звонкий голос особенно громко прозвучал в кафе, где музыканты как раз взяли паузу перекурить перед очередным номером.

За нашим и другими столиками зааплодировали.

– Опять Зойка чудит, – покачала головой девушка с уложенными в сложную прическу волосами. Кажется это называлось «бабетта».

– Ей можно, – сказал парень с окладистой рыжей бородой, – она завтра на Башню Цандера отбывает, гравиметры тестировать.

– Зоинька, может, по такому случаю, что-нибудь прочтешь? – предложила стриженная под мальчика девушка в крепдешиновом платье.

Зоя сделала глоток вина, притопнула ножкой в белой туфле:

– Все желают? – Нахмурилась и грозно обвела взглядом зал.

– Желаем, желаем, – вразнобой затянули голоса.

– Ну, тогда слушайте, – Зоя протянула мне бокал, я его принял. Она же поднесла руки к запрокинутой голове. Коротенькое платье открывало стройные крепкие бедра. – Судьба, как ракета, летит по параболе, обычно – во мраке и реже – по радуге...

Вознесенского читала девушка очень хорошо. Совсем не так, как сам поэт, по-другому, но по коже пробегали мурашки.

– ...Идут к своим правдам, по-разному храбро, Червяк – через щель, человек – по параболе.

Притихшее кафе слушало Зоину декламацию. Ни единого звона вилки, тарелки, бокала не раздавалось в паузах, когда она, раскрасневшаяся, набирала воздух и продолжала, продолжала, до самых последних строчек:

– Сметая каноны, прогнозы, параграфы, Несутся искусство, любовь и история – По параболической траектории! В Сибирь уезжает он нынешней ночью. А может быть, все же прямая – короче?

Потом она постояла на стуле, раскланиваясь под аплодисменты. Причем не дурачась, а вполне серьезно. Так раскланивается на сцене актриса, принимая с достоинством заслуженные восторги зала.

Я взял ее за талию и помог спрыгнуть на пол. Зоя казалась невесомой. А мне на мгновение почудилось, будто смотрю фильм ламповых шестидесятых, где вот так же весело проводит свободное время научная молодежь, чтобы завтра с раннего утра вернуться в лаборатории, облачиться в белые халаты и с головой погрузиться в изучение тайн мироздания. И словно в ответ на здании напротив зажглась ярко-зеленая неоновая надпись: «Летайте самолетами Аэрофлота! Ту-145 – это быстрота и комфорт».

Ту-145?

Зоя проследила мой взгляд:

– Сегодня на нем улетаем.

– В Сибирь? – вырвалось у меня.

– Нет, на Камчатку, на испытательный полигон. Пока гиперзвуковой рейс не пустили, такая морока туда добираться! А ведь когда-то вообще на поездах ездили, – Зоя покачала головой. – Хотите с нами?

– Хочу, – сказал я.

Реальность вокруг окончательно лишилась достоверности. Я, наверное, не удивился, если бы в кафе зашел робот, такой, какими их изображали в шестидесятых – огромный, стальной, гудящий. И потому я готов был лететь с Зоей и ее друзьями хоть на Марс. Ведь здесь все возможно.

– Эй, парочка, – окликнули нас с Зоей, когда мы танцевали уже третий акробатический рок-н-ролл, – собираться пора! Гоните по рублю!

Компания и впрямь собиралась уходить. Девушки заворачивали оставшиеся бутерброды в газеты, очкастый бородач деловито проверял бутылки на наличие остатков содержимого. Остатков не имелось. В блюде лежали смятые бумажки. Зоя извлекла из сумочки кошелек.

Я тоже достал портмоне и с некоторым сомнением посмотрел на свои купюры. Рубль? Бумажный? Нашлась только десятка с изображением Красноярской ГЭС.

– Я положу за вас, – сказала Зоя. – Вот, – передала мне две хрустящие бумажки с портретом Пушкина.

Пушкин наше все, мелькнуло в голове. Таких денег я не видел. Рядом с портретом значилось «Один рубль. Казначейский билет. Образца 1961 года».

– Так вы согласны? – еще раз спросила Зоя. – Тогда попросим Сурена включить вас в список. Пойдете разнорабочим. Сурен, – окликнула она бритого наголо молодца, – нам разнорабочие нужны?

– Нам нужны разноученные, – хмуро сказал Сурен. – Так ведь, Саша? – толкнул бородача, который тихо переговаривался с миниатюрной брюнеткой.

– Нам все нужны, – махнул рукой Саша. – Лишь бы голова на плечах имелаась.

– У Димы она имеется, – сказала Зоя и рукой, словно глядя, провела мне по голове.

– Трудовая имеется? – Сурен закурил. – Хотя, о чем я... Ладно, напишите заявление, а я получу на вас продпаяк и проездные. Дима? Горин? – Зажав папиросу в зубах, он извлек крошечный блокнотик и еще более крошечным карандашом, тонувшем к его кулачище, что-то записал. – На сколько товарищ вливается в наш коллектив?

– По полной, – сказал я.

– Полторы декады? Это хорошо, – Сурен убрал блокнотик. – Мы в «Радуге» расположились. Или вы местный? Ага, значит номерок вам тоже придется обеспечить... Верочка, – окликнул он миниатюрную брюнетку, – у нас как с номерами?

– Ты же знаешь, Суренчик, – хихикнула брюнетка, – мест нет. У них эта табличка к стойке вот такими болтами привинчена.

– Как привинтили, так и отвинтят, – сказал суровый, коротко стриженный молодец, до того не подававший никаких признаков навыков вербального общения. Полосатая футболка туго натянулась на плечах, будто он уже сейчас был готов исполнить угрозу. – И там бюрократы засели, шерсть на ушах.

– Ладно, разберемся, – сказал бородатый Саша. – Пошли, что ли? Нам еще долго топать...

– У меня машина рядом, – сказал я. – Все, наверное, не поместятся, но...

– Благодетель! – Всплеснула ладошками брюнетка. – А я ноги стоптала, вот, – и она вытянула вперед изящную ножку, обутую в белую туфлю. – Посмотрите, посмотрите!

Все с интересом посмотрели, а я пошел за машиной.

Уместились все. Это казалось невозможным, но ребята – Сурен, бородатый Саша и молчаливый Витька упаковались на заднее сиденье, к ним на колени забрались брюнетка Валя и вырвавшаяся из «Спинозы» Света, которая никак не могла завершить свой рок-н-рольный марафон. Зоя села рядом.

– Вот туда, – махнула она вдоль по главной улице. – Мимо памятника. Который стоит.

– Кто ж его посадит, – буркнул молчаливый Витька. Ему пришлось ту же всех. Он согнулся вперед, положив могучие руки на спинки моего и Зоино кресла, чтобы Сурен и Саша могли удобнее устроиться.

– Интересно, а есть такие памятники, которые лежат? – спросила запыхавшаяся и до сих пор не отдышавшаяся Света.

– Памятник лежащему мещанину, – сказал Саша. – Давно пора изваять. Дабы искоренить.

– А это ваша машина? – спросила бойкая Валя.

– Отцовская, – честно признался я.

– Я думала, вы в прокате ее взяли, – мне показалось, она слегка разочарована.

– Тяжелое бремя наследственности, – хохотнул Сурен. – Вы не обращайте внимания, Дмитрий. Валентина максималистка. Она считает, человек должен шествовать по жизни максимально налегке. Жить в общежитиях или гостиницах, питаться в столовых, брать в прокате автомобили... ай! – Валя его ущипнула. – Валечка, я не против! Я только за! Мы ведь так и живем! У меня даже квартиры нет!

– У тебя их три было, – хмуро сказал Витька. – Ты все профукал. Женам оставил, ловелас.

– Он поступил как настоящий джентельмен, – сказала Верочка и погладила Сурена по голове. – Молодец, Суренчик, женись и дальше.

Я вел машину, подчиняясь указаниям Зои, одновременно прислушиваясь к пикировкам новых знакомых. Странная мысль свербила – не сон ли? Странное ощущение, которое охватывает, когда наступает глубокая ночь, хочется спать, но ты по каким-то причинам продолжаешь бодрствовать. Город вокруг спал. Горели огни фонарей вдоль дорог, да редкие окна в пятиэтажках. Никаких рекламных стендов, круглосуточных киосков и маленьких магазинчиков. Тут вообще отсутствовала реклама. Разве что кроме горевшей напротив кафе неоновым светом. Про полеты на самолетах Аэрофлота. Хотя нет, вот еще зажглась зеленоватым светом: «Товарищи автомобилисты! Уступайте пешеходам!»

– Теперь сюда, – тронула меня за руку Зоя. – Вот наша гостиница.

Стоянка пустовала. Я запер машину и вошел внутрь. За стойкой с прикрученной табличкой «Мест нет» позевывала солидная тетя, никак не подходящая на роль девушки на ресепшине.

– Это он? – спросила она Зою.

– Да, его на одну ночь надо устроить, если можно...

– На одну ночь можно, – неожиданно мирно сказала тетя. – У нас место в двухместном номере освободилось. Там товарищ заселился, вот к нему и подселим. Давайте паспорт, товарищ...

– Документы завтра подвезут, – быстро сказала Зоя. – Может, с утра оформимся, а?

Поднимаясь по лестнице, я сказал:

– Не думал, что у тебя получится.

– Сегодня смена хорошая, – объяснила девушка. – Без волокиты и мещанских заморочек. Вот, наверное, – показала на дверь.

Я сверился с номерком на ключе.

– Спокойной ночи, – сказала Зоя. – Утро вечера мудренее.

– Спокойной ночи, – ответил я. Неимоверно хотелось спать.

В номере оказался включен телевизор. Невыносимо древний, архаичный, с маленьким черно-белым экранчиком. Удивительно, что он вообще имелся в номере, который, как и гостиница, словно сошли с картинок, фотографий и киноэкранов шестидесятых годов. Скорее всего, как это пристанище командированных возвели во времена рождения литературного городка вокруг

жутко секретного завода или испытательного научного полигона, так с тех пор даже мебель не меняли, не говоря о внутреннем интерьере.

Мой сосед, о котором предупредила дама, спал на правой кровати, укутавшись с головой в пододеяльник. Само одеяло сбилося к ногам. В номере было душновато, несмотря на открытую форточку в брутально деревянных рамах. На широком подоконнике стояла пепельница, забитая окурками. Имелся цветок, фикус кажется. А может и не фикус. Но тоже, оттуда, родом из Оттепели.

Звук телевизора был приглушен, поэтому я не сразу обратил внимания, что он транслирует. Света от экранчика вполне хватало разоблачиться, бросив одежду на пустующее кресло, современника фикуса и вполне гармонирующего с общим временным континуумом гостиницы – видел я такое несколько раз в кино тех годов и на фотографиях в старых журналах «Смена», грудой хранившиеся на даче.

Приняв водные процедуры, я сел на кровать и потянулся выключить почти беззвучно работающий телевизор со странным названием «Вечер-3». Хорошее название. Подходящее. И фильм шел под стать этому славному бойцу телевизионного лампового фронта с молодыми Яковлевым, Анофриевым. «Друзья и годы», сразу же вспомнил я. Ну, надо же. Гармония.

Посмотрев на похрапывающего соседа, я решил, что немного звука не повредит, тем более он сам оставил телевизор включенным, когда его окончательно сморил сон. Взялся за ручку переключения каналов и даже с некоторой опаской повернул ее по часовой стрелке – после пультов это казалось жуткой архаикой. Ручка легко подалась и щелкнула на следующий канал. По всем канонам жанра там никаких передач не должно было быть – в те времена полуночников не жаловали, ибо рабочий человек должен хорошо выспаться перед трудовым днем, не отвлекаясь на «ящик».

– А теперь начинаем передачи для тех, кто не спит, – сообщила строгая дикторша. – Программу открывает выпуск «Международной панорамы», затем вы сможете посмотреть запись выступления танцевального коллектива «Березка» во Дворце Советов, а завершит программу комедийный художественный фильм «Его звали Роберт».

Заиграла знакомая ностальгическая мелодия и возникла заставка «Международной панорамы». Удивительно, но я помнил и эту музыку, и эту заставку, словно нарисованную на куске картона – поначалу не в фокусе, а затем становясь все резче и резче, как бы намекая – сейчас вы все увидите в мельчайших деталях. А затем появится сидящий человек в строгом костюме – Каверзнев, Сейфуль-Мулюков, Цветов... Однако возникший комментатор оказался мне незнаком.

– Здравствуйте, товарищи, – сказал он. – Начинаем очередной выпуск передачи «Международная панорама: события, факты, комментарии». Массовые беспорядки в Северном Ольстере...

Это какой год? Семидесятые. Или все же шестидесятые? Если у меня имелась некая гипотеза о происходящем, которая, несмотря на совершенную фантастичность, все же позволяла хоть как-то объяснить происходящее с тех пор, как я свернул на анизотропное шоссе, то следующий поворот переключателя ее опроверг. Почти опроверг, если сказать точнее.

Изображение оказалось цветным. Причем абсолютно не соответствующим ожидаемому качеству кинескопа – четким, сочным, будто не электронно-лучевая трубка его воспроизводила, а вполне себе приличный жидкокристаллический экран. Но гораздо интереснее оказалось то, что там происходило. Я было решил, что смотрю фантастический фильм.

– А это наше лифтовое хозяйство, – сказала девушка. Девушка как две капли воды походила на Зою, а за ее спиной в синих комбинезонах возились с приборами давешние знакомые – Григорий и Панкрат. Это опровергало гипотезу о постановочном характере съемки. – Мы его так между собой называем. В шутку, конечно. Когда меня спрашивают, кем работаю, я отве-

чаю – лифтером. А если серьезно, то сейчас мы находимся в святой святых Башни Цандера – отсюда осуществляется управление всеми подъемниками на орбиту и с орбиты Земли.

Смена кадра, и вместо Зои появляется то, что называется Башней Цандера. Решетчатая конструкция, уходящая ввысь. Сквозь прорези видно сложное движение механизмов, вращение колес, скольжение вниз и вверх цилиндров, некоторые из которых запаяны наглухо, но в других имеются иллюминаторы. И только когда камера дает постепенное увеличение, словно бы наезжая на один из таких цилиндров, я вдруг понимаю истинный размер этого сооружения. Сквозь иллюминатор виден крошечный человечек, махающий рукой.

А за кадром строгий голос диктора рассказывает, сколько грузов выводится на орбиту Башней Цандера, как растет пассажиропоток на орбитальные станции «Гагарин» и «Циолковский», а вслед за этим с невообразимой четкостью возникают и сами станции, о чем догадываюсь по огромным буквам на боках медленно вращающихся под звуки вальса ослепительно белых бубликов.

Я наклонился к экрану, желая разглядеть космическую панораму еще четче, еще подробнее. Вот внизу в голубой дымке Земля. Вот тонкий шпиль пронзает атмосферу, а внутри него посверкивают сигнальные огни поднимающихся и опускающихся транспортов. Вот на кончике Башни Цандера пристроился шар, оцетинившийся выступами стыковочных узлов. Некоторые из них пустуют, к другим пристыкованы космические корабли, такими, какими любили изображать в старых книжках и журналах на заре космической эры – округлые, слегка неуклюжие, с резкими выступами хвостовых оперений.

И все это под звуки вальса «Голубой Дунай» и будничную, в общем-то, речь комментатора, словно не о космических пажитях сообщал, а давал очередную сводку о битве за урожай и засыпке зерна в закрома родины.

Сосед под одеялом беспокойно заворочался, и я торопливо приглушил звук. Космическая феерия завораживала. Но я все же протянуть руку и переключить канал. Что ожидал? Увидеть не меньше, чем межзвездный перелет? Ведь странный телевизор с уютным названием «Вечер-2» оказался своего рода машиной времени. Или окном времени. Или телевизором времени. Фантастика. Ровно как и то, что за окном литерный город, в который ведет анизотропное шоссе, и который отнюдь не существует во втором десятилетии следующего века, а пребывает, как максимум, в шестидесятых годах прошлого.

На следующем канале шло совершенно обычное ночное ток-шоу «Окна», про которое Зойка все уши прожужжало – какое оно необычное и какое скандальное. Набыченный ведущий в узкой курточке, что расходилась на его широкой мускулистой груди, разнимал сцепившихся женщин. Всклокоченные волосы, размазанная помада.

А в это время космические корабли бороздят...

Рекламная заставка и слоган: «Водка „Зверь“! Похмелья не будет!»

В меня словно плюнули из телевизора.

Хотелось немедленно утереться, умыться и вновь повернуть ручку переключения каналов.

И еще – спать.

Уже лежа в кровати на бугристом матрасе и укрывшись байковым одеялом, от которого пахло складским помещением, я попытался вспомнить – на каком этапе странного путешествия у меня отказало чувство удивления. Когда подсели Григорий и Панкрат? Когда решил свернуть на анизотропное шоссе? Когда остановил гаишник? А потом я увидел нечто, как теперь понимаю, – эту самую Башню Цандера? Где, кстати, она расположена? Неужели поблизости городка? Почему не на экваторе? Кажется, у Артура Кларка был роман про строительство космического лифта, а на идею его вдохновил советский инженер, который и придумал такую штуку...

Говорят, современного человека вообще трудно удивить. Про любое чудо, фантастическое событие, явление мы либо читали, либо смотрели в кино, и нас, столкнувшись с подобным воочию, не поразят ни летающие тарелки, ни снежные люди, ни лох-несские чудища. И даже Башни Цандера. Или в этом есть доля лукавства? Кто знает, если дело обернется именно так, что перед тобой появится огромноголовый и зеленокожий брат твой по разуму и протянет шестипалую ладонь для рукопожатия? Что будешь делать? Хотя бы удивишься?

Ладно, инопланетяне. А как быть с путешествиями во времени? Ведь, как ни крути, это то, что со мной произошло. Анизотропное шоссе перебросило на сорок или даже пятьдесят лет назад. Впрочем, назад ли? Что-то не помню, чтобы в шестидесятые страна строила космические лифты и орбитальные станции. А еще собирала телевизоры высокой четкости. Тогда – параллельная реальность? Параллельный мир шестидесятых годов, где прогресс не просто быстро пошел, а помчался со спринтерской скоростью – вчера только-только полетел Гагарин, а сегодня милая девушка Зоя собирается отправиться в космос на лифте.

– Не спится?

Я вздрогнул и лишь потом сообразил – сосед. Наверное услышал как ворочаюсь.

– Да, что-то не спится, – признался я. – Матрас жестковат.

– Зато клопов нет, – сказал сосед.

– Ну, это чересчур.

Глаза привыкли к темноте, и я увидел – сосед сел на кровати, достал что-то с тумбочки. Чиркнула спичка, затлел огонек сигареты.

– Не желаешь?

– Не курю.

– Вот черт... Не помешаю?

– Ничего страшного, курите.

– Тогда у форточки подымлю, – он встал и подошел к окну. Глубокие тени не давали рассмотреть лицо. – А насчет матрасов я тебе так скажу – есть гостиницы, где за счастье и на матрасе устроиться...

Я еле сдержался, чтобы не зевнуть. Сон все-таки одолевал.

– Вот, помнится, в оприче двадцатых кромечили мы ситуацию под Царицыным...

Даже на пороге окончательного засыпания последняя услышанная от соседа фраза царапнула ухо несуразностью... опричь... кромечили... Царицын...

Но переспросить не успел.

Зойка трясла меня за плечо, а я точно знал – такого не может быть. Не может быть никогда. Не могла она, знатная засоня, встать раньше меня, да еще в выходной день. Сон, решил я в полудреме и попытался перевернуться на другой бок. Но тут ясно различил сказанное:

– Эй, Горин, вставай! Завтрак проспешь! В здешней оприче с расписанием строго, не то что у вас, – голос веселый и знакомый.

Я вспомнил, где нахожусь. Резко вскочил, отбросил одеяло, сел. Нащупал очки. Надо мной стоял давешний дорожный инспектор. Кондратий Хват! Вот действительно – дал же бог имечко и фамилию. Только что он здесь делает? Машину я неправильно припарковал? А где Зоя? Почему не зашла? Я ведь, кажется, вчера с ними собирался в путь-дорогу?

– Черт! Проспал! – Я вскочил с кровати. – Сколько времени?

– Почему бы вам не спросить – какая сейчас дата? – Кондратий отошел к окну, чтобы не мешать мне натягивать брюки. С натянутой одной брючиной я замер.

Посмотрел на инспектора ГИБДД, который по каким-то странным обстоятельствам оказался в одном номере гостиницы со мной. Случайность? Или Хват – не дорожный постовой? Тогда кто? Сотрудник какого-нибудь Института времени, который отслеживает таких, как я,

свернувших на анизотропное шоссе и вломившихся без спросу в чужое для них темпоральное пространство?

– Я – не дорожный инспектор, – угадал мои мысли и подтвердил догадку Кондратий. – Хотя... в каком-то смысле можно сказать и так.

– Меня ждут, – беспомощно сказал я. – Мы улетаем...

– Насколько я информирован, – Хват усмехнулся, – в своем оприче вы работаете в банке и, кажется, вполне успешно. До вчерашнего вечера вы не собирались менять офис на романтику тайги, комаров и палаток. У вас и невеста есть.

– И квартира по ипотеке, – зачем-то добавил я.

– И ретро-автомобиль «Волга» в прекрасном состоянии, – подхватил Кондратий. – Так объясните – зачем вам это всё? – он обвел руками тесный гостиничный номер.

Я сник. Натянул брюки, застегнул рубашку. Ощущение как после бурной питейной ночи. Похмелье. Вот это что. Только голова не болит. Зато на душе кошки скребут.

– Меня ждут, – повторил я.

– Они уже уехали, – сказал Хват. – Вы слишком долго спали. И они решили что вы передумали.

Часы показывали половину девятого.

– Значит, нужно возвращаться? – спросил я. – В то будущее, из которого сюда попал? Сесть на машину и выехать на анизотропное шоссе...

– Анизотропное шоссе? – Кондратий удивленно посмотрел на меня.

– Ну, я его так назвал. Шоссе из двадцать первого века в век двадцатый, в шестидесятые годы...

Кондратий загасил окурок в пепельнице.

– Предлагаю позавтракать, там и решим как вам быть.

– Со мною быть?

– Нет, Дима, именно вам.

На завтрак давали пюре, сосиски и кефир. Пюре и сосиски украшала горстка зеленого горошка. Кофе отсутствовало, но чай имелся – его каждый наливал себе сам из огромного самовара и пузатого заварочного чайника. В кефир зачем-то насыпали ложку сахарного песка. Я отставил граненый стакан, подцепил алюминиевой вилкой горошек.

– Вы почему кефир не кушаете? – заботливо поинтересовался Хват. – Не любите?

– Сахар не потребляю. Здоровье берегу.

– Уютно здесь, – сказал Кондратий. Ел он быстро. – Но далеко не всем понравится. Человек – существо малоудовлетворительное, не находите?

Я пожал плечами.

– Вот, например, вы, – он показал на меня вилкой.

– Что – я?

– Вас ни в коем случае нельзя признать несчастным. У вас имеется все, что нужно для долгой и счастливой жизни. Хорошая работа. Хороший заработок. Хорошая подруга.

– Вам и про это известно? – саркастически спросил я. Аппетит исчез. Сосиска неприятно напоминала отрезанный и отваренный палец.

– Долг службы. Мы обязаны иметь справку по всем, кому удастся пересечь границу опричи.

Снова это непонятное словечко. Но прежде чем я успел переспросить, Кондратий продолжил:

– Вот представьте, Дима, гипотетическую ситуацию. Вам предоставлена возможность осчастливить всё человечество. Заметьте, не отдельных его представителей, а всех, всех до единого.

– Счастья для всех даром и чтобы никто не ушел обиженным?

– Вот-вот. Как бы вы устроили жизнь на Земле?

– Ну, это просто... что бы всё у всех было в достатке. Еда, жилье, одежда...

– Вы уверены, что счастье человеческое именно в этом? – усмехнулся Кондратий. – Тогда почему вас занесло на анизотропное шоссе, и вы чуть не уехали в тайгу, где ни еды, ни жилья, ни одежды в достатке нет?

– Не хлебом единым жив человек. Кроме материального нужно и духовное.

– Тогда возвращаюсь к нашей гипотетической ситуации – что бы вы дали людям, чтобы они были счастливы?

– Возможность полностью реализовать себя.

– Одни реализуют себя в живописи, другие – на войне, – сказал Кондратий. – В вашем мире предусмотрены художественные училища и ведение боевых действий?

– Война – это зло, – сказал я. – В моём мире её не будет. Я сугубо мирный человек.

Хват покачал головой, подобрал остатки зеленого горошка, ловко забросил их в рот.

– Значит, счастья для всех даром, увы, не получится.

– Значит, не получится, – в тон Кондратию ответил я. – Если только...

Хват странно смотрел на меня. С таким выражением, наверное, смотрит учитель на способного ученика, ожидая правильный ответ на каверзную задачку.

– Если только не создать для каждого мир по душе, – сказал я, а Хват сделал странное движение – будто аплодировал мне, медленно сводя и разводя ладони. – Но это сказка. Ненаучная фантастика.

– Почему? – сказал Кондратий. – Технически вполне реализуемо.

– Вот на этом уровне? – Я вытащил из кармана сотовый и положил на стол. Нажал кнопку, экранчик загорелся. Здесь, в обстановке шестидесятых, он выглядел чужеродно.

– Или на этом, – спокойно сказал Хват и между нами высветилось голубоватое облачко, в котором плавали разноцветные сферы. Кондратий запустил в облачко руку, ухватил одну из сфер, потянул, и она в свою очередь распахнулась еще одним облачком. Он вытащил руку обратно и небрежным движением смел все обратно в небытие.

Я осторожно огляделся, но завтракающие люди не обратили на произошедшее никакого внимания.

– Они нас не видят? – Кондратий улыбнулся. – Накрыли нас полем невидимости?

– Дима, не изобретайте сущностей сверх необходимого, берите на вооружение бритву Оккама. Вы слышали о слепом пятне? В поле нашего зрения имеется область, которую не видим в силу анатомического строения глаза. Но мы этого не замечаем, поскольку мозг достраивает картинку.

– Все равно не понимаю.

– Это – аналогия. Сколько раз вы проезжали из города на вашу дачу и обратно, но не обращали внимания на поворот на... как вы назвали? Анизотропное шоссе? Очень удачное название...

– Не мое, – сказал я. – Оно... из одной книжки, в общем.

Действительно – сколько? Проезжал поворот, даже не задумываясь – куда может привести эта дорога? Да и под силу человеку задумываться над каждым поворотом, который попадает на пути? Все эти ответвления от магистрали, по которой мы привычно несемся, лишь отмечаю и тут же их забывая, даже не ощущая желания притормозить, свернуть и проверить – куда тебя может привести эта неприметная дорога? Хорошо, если на ней стоит указатель – «Большие Клыки – 5 км», либо «Базарные Матаки – 1 км», а если нет ничего? Только колея, уходящая за перелесок? Всякий ли решиться избрать ее? Мы не любопытны. Мы чересчур заняты. У нас тысячи дел. Вот наше слепое пятно, о котором говорит Кондратий. Привычка жизни.

Хват закурил, внимательно меня разглядывая. Наверное, догадывался о происходящем в моей голове.

– Нет никаких путешествий во времени, – сказал он. – И никаких параллельных и прочих перпендикулярных миров тоже нет. Все это – ненаучная фантастика. К чему вообще множить миры сверх всякой меры? Мир один. И он вполне бесконечно разнообразен. Но большинство людей этого не замечают.

– А что же есть? – спросил я. – Если это, конечно, не секрет.

Кондратий глубоко затянулся, так глубоко, что тлеющий огонек на сигарете добежал почти до фильтра, а столбик пепла опасно искривился, грозя упасть на стол.

– Опричи. Вот, что есть.

Снова это словечко. Странно знакомое.

– Похоже на опричнину, – вспомнил я.

– Почему похоже? Опричь и есть производное от опричнины, – улыбнулся Хват.

– А вы, значит, – опричник? – я попытался шутить, но что-то знобкое повеяло на меня, сердце сжала ледяная рука. Ну, вот оно! Только – что именно? – Не похожи. Где ваши метла и песья башка?

– В вашей родной опричи, Дима, есть известный писатель, который сочиняет книжки о магах, живущих в современном мире. Так вот, у них нет никаких плащей, колпаков со звездами, даже седых длинных бород нет. Они, как и вы, пользуются переносными телефонами, водят машины, работают на вычислителях.

– Кажется, я читал.

– Поэтому вы поймете. Мы даже себя опричниками не называем.

– Как же, если не секрет, – я взял стакан кефира и отхлебнул. Сморщился. Как вообще такое можно употреблять?

– Кромечники, – сказал Хват и закурил очередную сигарету. Слово как нельзя лучше контрастировало с тем образом, который явился перед мысленным взором.

– Кромешники?

– Кро-меч-ники, – раздельно повторил Хват. – Но ход ваших ассоциаций любопытен, Дима.

– У меня чувство – сейчас на дыбу потащат, а затем голову с плеч, дабы неповадно из опричи в опричь переезжать. Я ведь что-то нарушил? Вы меня сразу на примету взяли. И в ваш номер я не случайно попал.

– У нас другие методы работы, – Кондратий даже закашлялся, сдерживая смех. – Дима, Дима, откуда в обычном банковском служащем такие жуткие мысли? Неужели я так страшно выгляжу?

– Тогда, наверное, вы вернете меня обратно, в мой мир... то есть, опричь?

– Разве вам не нравится здесь? – немедленно вскинулся Хват, цепко посмотрел. – Разве вы не ощущаете, что это место – ваше?

– И здесь можно остаться? – не поверил я.

– Вполне. Если захотите. Или вы думаете, что если живете в двадцать первом веке, то в шестидесятые вам хода нет? Непроницаемость опричей противоречит сути мироустройства.

– Где родился, там и содился, – вспомнил я отцовскую присказку.

– Для статистически значимой выборки именно так и выходит, – сказал Кондратий. – Подавляющее большинство проживающих в опричах вполне удовлетворены своей жизнью и не желают ее менять. Но счастье человеческое измеряется не статистикой, но отклонениями от средних величин. Построение утопии и удержание ее на спирали развития – сложнейшая социотехническая задача. Когда-то утописты видели счастье человеческое в том, чтобы всех привести к одному знаменателю, железной рукой и каленым железом загнать к единственно

верному счастью, причем исключительно такому, каким его видит сам утопист. Утопии были утопичнее тех социумов, которые они пытались проектировать и воплотить.

– Счастье для всех даром и пусть никто не уйдет обиженным, – пробормотал я. – Есть в этом нечто зловещее...

– Каждый, кто считает, что живет в мире, который ему не по душе, всегда может отыскать собственное анизотропное шоссе. Или дорожку. Тропинку. Горный перевал. Неприметную улочку в родном городе. Что угодно, куда он свернет и... и попадет туда, где ему станет хорошо. Если же нет, то перед ним открыты сотни дорог, анизотропных дорог. Выбор утопий богат, выбирай на вкус.

– Но ведь это все... – я колебался, однако решился: – Это все обман. Получается, никакого единого человечества нет, есть зоны, эти ваши опричи, где люди живут в неведении о том, что происходит в остальном мире.

– Слепое пятно, – напомнил Хват. – Вы преувеличиваете желание большинства людей действительно знать о происходящем в мире. Ну, вот вы, например, часто думаете о Зимбабве?

Я аж поперхнулся. Закашлялся, вытащил из граненого стакана нарезанные салфетки, вытер рот.

– Простите... о Зимбабве я вообще не думаю. А что там?

– Не знаю, – пожал плечами Хват. – Наверное, тоже что-то интересное происходит, но вы об этом не знаете и знать, в общем-то, не хотите. Вот вам и ответ на вашу... гм... диффамацию. Что касается единого человечества... Опричи отнюдь не осколки мозаики. На самом деле они связаны друг с другом миллионами связей, потоков. Некоторые сильнее, некоторые слабее, но эти связи обеспечивают развитие человечества. Не всего, конечно, а весьма небольшого по численности, скажем так, авангарда, но ведь и в традиционном мире происходило точно так же. Когда появлялись новые возможности, отнюдь не все в едином порыве желали ими воспользоваться. Есть большая прослойка людей, которым будущее вообще неинтересно.

– Но ведь... – я запнулся, но все же ухватил ускользавшую мысль: – Кто-то должен управлять таким миром? Поддерживать эти ваши опричи в стабильном состоянии, направлять потоки товаров, идей... не знаю, чего еще... набирать и обучать людей в вашу службу...

– Конечно, – согласно кивнул Хват. – И что? Намекаете на то, что власть разлагает людей, даже если они руководствуются самыми высокими идеалами?

– Абсолютная власть разлагает абсолютно, – сказал я. – Вся человеческая история это подтверждает.

– У данной дилеммы довольно элегантное решение, – улыбнулся Хват. – Те, в чьих руках сосредотачивается власть, не должны иметь возможности ее использовать себе во благо. Заметьте, Дима, власть всегда рассматривалась как привилегия. Больше власти – больше денег, больше еды, больше самок, больше собственности. Абсолютно прямой зависимости, конечно, не было, но тенденция складывалась именно так. Теперь попробуйте представить обратную ситуацию, когда больше власти означает больше лишений. Чем выше в социальной пирамиде ты стоишь, тем больших прав лишен. И тогда воля к власти становится функцией альтруизма. Скажем, рабочий на заводе получает хорошую зарплату, живет с семьей в отдельной двухкомнатной квартире. Но когда он соглашается продвинуться и занять должность мастера, бригадира, начальника цеха, его благосостояние урезается. Он получает меньшую зарплату, ему приходится съезжать с квартиры в общежитие, а то и вообще в барак, ему не полагаются профсоюзные путевки на море и прочие материальные блага. Вы думаете, такая система власти будет разлагающе действовать на своих носителей?

– Следуя такой логики, руководители опричей должны сидеть в тюрьме, – усмехнулся я.

– Они и сидят, – Кондратий и бровью не повел. – Сидят в лагерях, сидят в тюрьмах, откуда и управляют нашим миром.

– Черте знает что, – только и смог сказать я. И попытался представить своего директора, которого доставляют в рабочий кабинет каждое утро на полицейском воронке, в полосатой робе и с кандалами на руках и ногах. Впрочем, я ведь и никогда не видел, как он приезжает на работу. Может, всё именно так и есть?

Гостиничный ресторан опустел. Командировочные ушли по своим командировочным делам. Туристы, если таковые здесь имелись, побрели по своим туристическим тропам, вслушиваясь в монотонные голоса экскурсоводов, рассказывающих о славном прошлом и еще более славном настоящем и будущем наукограда.

Кондратий Хват курил, задумчиво смотря в окно. Утро, как выражалась Зойка, переставало быть томным. Странно осознавать, но меня нисколько не беспокоила мысль о прогуле, о том, что та же Зойка примется меня искать, названивая по отключенному мобильному, опрашивая друзей и знакомых – куда я мог подеваться? И черт знает какие жуткие мысли придут ей в голову.

И поняв, о чем я думаю, Кондратий сказал:

– Не беспокойтесь, вас не будут искать.

– Слепое пятно?

– Вы хорошо все поняли, – Хват потушил окурок.

– Значит... значит я могу остаться здесь? В этом мире... то есть – оприче? Устроиться на работу? Получить жилье? Поехать вслед за ребятами в тайгу?

– Можете, – кивнул Хват. – Но не захотите. Вы, Дима, думаете, что такие беседы кромечники проводят с каждым, кто пересекает границы опричей? Нет. На это у нас не хватит ни сил, ни людей.

– Тогда почему?

Кондратий помолчал, собираясь с мыслями, пригладил волосы, потер идеально выбритый подбородок.

– У вас есть редкий дар, Дима. Дар, которым обладают только кромечники. Вы можете видеть опричи. Все и сразу. У вас отсутствует слепое пятно. Нам нужны такие люди. Очень нужны. Дело в том, Дима, что я хочу предложить вам работу. Сложную. Опасную. Но интересную, а главное – важную.

– Стоять над пропасть во ржи? – усмехнулся я.

– В том числе. Но наша служба гораздо... хм... многограннее. Гораздо. Подумайте.

Я посмотрел в окно.

Часть первая. Шоссе энтузиастов

Синдром Федоры

Глава первая. Руины и люди

Как и полагалось смена заканчивалась в восемь часов вечера по местному, марсианскому времени. Небосвод становился фиолетовым, и на стояках загорались прожектора, выхватывая из подступающей тьмы расчерченную на правильные квадраты обширную площадь раскопок. К этому моменту Андрей завершил проверку образцов, в которых археологические киберы заподозрили древнейшие марсианские артефакты, забраковал их, о чем сделал отметку в журнале («наличие микровкраплений – отр.»). Ссыпал образцы в ведро, которое давно переполнилось, но никто не удосужился вынести его на мусорную кучу.

Перепонка палатки чмокнула, в тамбур ввалились, затопали, отряхивая дохи от песка и пыли, а когда давление сравнялось, внутрь шагнули Аглая и Максим. Максим энергично растирал щеки. Аглая приложила замерзшие ладошки к тепловой панели.

– Следов существования Великой Марсианской Цивилизации в районе объекта «Обсерватория» сегодня, одиннадцатого октября две тысячи сто семнадцатого года, не обнаружено, – подражая голосу кибера проинформировал коллег Андрей. Взвесил на ладони странного вида обломок, который обещал стать вышеупомянутым следом, но оказался лишь произведением искусств марсианских сил выветривания, и ловко, точно мяч в кольцо, закинул его в ведро. – Возвращаемся на базу, на сегодня хватит.

– Что мы на базе не видели, – пробурчал Максим. – Нормальной еды все равно нет и не предвидится.

– У нас имеется обширный набор самоподогревающихся консервов со всем необходимым комплексом полезных веществ, – хладнокровно сообщила Аглая, приняв реплику Максима на свой счет. – Достаточно взять брикетик, снять оболочку и дернуть за веревочку.

– Вот-вот, вкус у него будет, как у веревочки, – поморщился Максим. – А хочется нормальной еды... борща... жареной картошечки на сале... яичницы...

Помимо воли рот Андрея наполнился слюной, что вызвало приступ раздражения. Настроение не улучшилось до того момента, когда они, соскочив с краулера, дотопали до жилого купола базы, разоблачились в тамбуре и вошли в кают-компанию. Наверное именно раздражение и позволило Андрею освеженным взглядом окинуть творившееся внутри – разгром, разбой, мусор, да к тому же сдобренное запахами, явно не из давно полетевшего озонатора. Пахло как в рейтарской казарме. Причем в казарме, где рейтары ночевали вместе со своими лошадьми.

– Кто дневальный? – прошипел Андрей. – Кто этот нехороший человек?!

– Ты, – Аглая кое-как расчистила заваленный тряпками, коробками и деталями озонатора диван и присела на неохотно высвободившийся краешек.

– Объявляю аврал, генеральную уборку, волей, данной мне распоряжением дежурств, – сказал Андрей, а Максим, усевшийся на развороченную коробку с питательными брикетами, поинтересовался:

– С какой стати? Дневального на то и назначают, чтобы он наводил шик и блеск на вверенной территории. И, кстати, готовил обед... борщ, там, жареную картошку... яичницу...

Когда после внеплановой генеральной уборки Аглая и Максим разбрелись по каютам, Андрей тоже вернулся в свой закуток и устало присел за откидной столик. Винить, хотя и очень хотелось, некого. Да, Уставом внеземной службы полагалось ежедневно назначать ответственного за уборку и приготовление пищи, но, спрашивается, как это делать, если археологическая экспедиция задыхается от нехватки рук? Их всего трое, и больше не будет. Людей не хватает не только на раскопках. Информаторий переполнен гласами, вопиющими в космической пустыне, о найме специалистов: требуются математики, требуются химики, учителя, строители, требуются, черт возьми, даже философы. Но дело не только в острейшем кадровом голоде. А еще в лимитах жизнеобеспечения. Каждые дополнительные руки – это дополнительные кислород, вода, пища, жизненное пространство... Всего этого в обрез. В обрез обрезов.

Андрей вздохнул, нацепил наушники, поправил перемотанный изолентой микрофон, щелкнул тумблером и вошел в «Клуб знаменитых капитанов». Хотя кто-то считал, что неформальному каналу общения командиров исследовательских баз, капитанов космических судов, руководителей изыскательских партий подошло менее претенциозное наименование, например «Плач в жилетку» или «Я б из начальников ушел, пусть меня разучат». Главное назначение форума – обмен опытом, который в космосе ценится на вес тушенки и сгущенного молока. И именно сюда Андрей «понес печаль свою»: жалобы на неустроенность быта, на беспорядок, на мусор, на встающие поперек горла брикеты сухого пайка и прочие бытовые неурядицы, изрядно отравляющие радость научных изысканий.

Конечно, столь животрепещущая тема немедленно возбудила всеобщий интерес, но, судя по обилию и разнообразию рецептов – как жить в чистоте и уюте на отдаленной космической станции, решения проблемы, увы и ах, до сих пор не существовало.

– Потерпеть надо, – утверждал командир контейнеровоза, следующего по маршруту Марс – Земля. – Подумаешь, брикеты! Эх, молодежь, знали бы вы в каких условиях... – и начинался бесконечный, как вселенная, рассказ о суровых временах освоения Пояса астероидов, когда ни о каких жилых куполах не помышляли, месяцами жили в собственных скафандрах.

– Железной рукой заставлять поддерживать идеальную чистоту, – сурово стучал азбукой Морзе в такт суровым словам еще более суровый начальник геологической партии на Церере. – Не давать спать дневальному, пока не вылижет жилой купол до блеска. В космосе спать – роскошь. И есть – тоже!

В общем, Андрей вскоре бросил заполнять блокнот советами бывалых по улучшению бытовых условий на станции, поскольку ни один из них не годился для применения. Ну, действительно, не заставлять же Максима и Аглаю бодрствовать еще и ночью, расчищая завалы мусора и устраняя беспорядок, чтобы они затем весь день сомнамбулами бродили на раскопках, выискивая такое, от чего волосы становились дыбом и возникало неодолимое желание немедленно закопать находку обратно.

Собираясь отключиться от канала и смежить слипающиеся очи, Андрей вдруг услышал как заработало печатающее устройство, из щели выскочила бумажка. Текст гласил:

«Имеется решение проблемы. Свяжитесь по номеру Марс-5-14-27».

Глава вторая. Люди и киберы

– Это и есть решение наших проблем? – с сомнением спросил Максим, оглядывая выгруженные из конвертоплана многочисленные ящики. – Чтобы это собрать и свинтить уйма времени понадобится!

– Ленинградский завод бытовой техники, – прочитала Аглая надпись на ближайшем контейнере. – Она точно автоматическая? Ты ничего не напутал?

– Полностью, – сказал Андрей. – Нам ее даже собирать и монтировать не придется. В комплекте имеется сервисный тектотон, надо только его найти и активировать, – он сверился с ворохом накладных и пошел вдоль штабелей.

По закону вечного свинства, нужный ящик оказался погребенным на самом низу, и пришлось изрядно попотеть, выволакивая его – под холодные лучи рассветного солнца, извещавшего о начале новой эры обживания человечеством далеких планет, спутников и астероидов – эры комфортного кибербыта.

Так, по крайней мере, думали члены археологической партии, высвобождая от предохранительных обмоток сервисный тектотон, который оказался весьма величественных габаритов. Стальное тело, цилиндрическая голова с ушами-локаторами, гибкие манипуляторы и ноги, укрепленные в сгибах поршнями высокого давления.

Тектотон относился к первопроходческим машинам класса «Защитник». Наверняка он когда-то сопровождал отважных завоевателей больших и малых небесных тел, не покладая манипуляторов вносил лепту в освоение Солнечной системы, пока не выработал гарантийный ресурс и не был определен на менее трудоемкую службу.

Тектотон возвышался над благоговейно замершими археологами, а затем прогудел:

– Готов приступить к монтажу оборудования. Прошу определить фронт работ.

Аглая взвизгнула от восторга.

– Да-а-а, – только и мог сказать Максим, оглядывая стальное чудо. – Ему не быт обустривать, ему на передовой край, на периферию, на Плутон...

– Ничего, – сказал Андрей. – Для сражения за идеальные бытовые условия на отдаленных станциях как раз и нужен неутомимый стальной боец. Следуй за мной, тектотон, я тебе покажу, где пролегает твой фронт.

– Всем вы хороши, – вздохнула Аглая, загружая очередную порцию грязной одежды в стиральную кибермашину, – только поговорить с вами не о чем.

Она сверилась с инструкцией, сдвинула рукоятку на отметку «Безжалостная стирка», которая должна очистить ворох испачканных в машинном масле комбинезонов – побочный продукт ремонта вышедшего из строя экскаватора, и присела на перевернутый тазик, утирая со лба пот.

– О чем вы хотели со мной поговорить, уважаемая Аглая? – мягкий приятный голос донесся из динамика машины, девушка от неожиданности подалась назад и чуть не сверзилась на пол. Манипуляторы придержали Аглаю за локоток, затем ласково погладили по плечу.

– Кто ты? – почему-то шепотом спросила девушка. – Кто со мной разговаривает?

– Я, – ответил голос. Помолчав, добавил: – Стиральная кибермашинка.

В отличие от Аглаи, заговоривший с Максимом тостер несколько его не удивился. Почему и нет? Намазал гренку джемом, откусил и зажмурился от удовольствия – по сравнению с питательными брикетами кусочек поджаренного хлеба, приготовленного хлебопечкой, – пища богов.

– Продул все-таки «Венерианский земледелец», – с дребезжащей печалью в звуковом кристалле сообщил Максиму тостер и сменил зеленый огонек готовности на помаргивающий желтый – надо полагать, сожаления.

– И все потому, что Харлампьев красную карточку получил, – мрачно подхватил Максим. – «Металлург астероидов» для них вообще не противник. В прошлом сезоне «Металлурги» на последней строчке таблицы дневали и ночевали.

– Судья подсуживал, – подхватил тостер. – Сколько голевых моментов у «Земледельца» срезал!

– Постой-ка, – Максим прожевал последний кусочек. – Так ты тоже за «Земледельца» болеешь?

– А то, – звякнул тостер и выдал следующую порцию гренок.
Обсуждение футбола продолжилось.

Андрей не поверил собственным глазам, когда будто по волшебству перед ним на столе, заваленном грудой рабочих материалов экспедиции, возникла чашечка эспresso. Это было настолько невероятно, что он сморгнул и глубже втянул воздух. Аромат свежесваренного кофе щекотал ноздри и бодрил так, будто Андрей уже пригубил густой напиток.

Кофе на базе отсутствовал, если не считать за таковой консервированную и самоподогревающуюся бурду, которую по недомыслию именовали «Кофе», причем кавычки как нельзя лучше отражали весьма условную принадлежность бурды к благородному напитку.

А тут еще и чашечка! Точно такая, какие подают только в кофейнях на Земле!

– Я думаю, это вам необходимо.

Резко крутанувшись на кресле, Андрей вперился взглядом в тектотона, того самого, что проходил по списку оборудования как «сервисный кибер» и занимался монтажом, а затем обслуживанием бытовой кибертехники.

– Откуда это? – Андрей ткнул пальцем за спину и борясь с искушением немедленно вернуться в исходное положение, взять чашечку, поднести ее к губам... м-м-м...

– В комплект моего оборудования входит кофеварочная машина марки «Ньютон», – сказал тектотон. – Мне показалось, чашечка кофе будет для вас нелишней, Андрей. Попробуйте, мои рецепторы подсказывают – его аромат и вкус соответствует лучшим земным образцам.

– Ты действительно участвовал в экспедициях первопроходцев? – спросил Андрей.

– Да, – кратко ответил тектотон. И когда Андрей уже было решил, что больше ничего не услышит, тектотон добавил: – Поэтому я знаю ценность кофе в космосе, и попросил во время капремонта вмонтировать в меня кофеварочный аппарат с набором кофейной посуды из небьющегося фарфора.

Глава третья. Киберы и тектотон

Раскопки продолжались, и Андрей первое время не мог нарадоваться происходящему. Быт налачился. Чистота, порядок, всегда горячие и аппетитные завтраки, полдники, обеды и ужины, чистое выглаженное бельё, тщательно вычищенные от песка дохи и унты, а так же, что скрывать, – собеседники, с которыми можно поболтать о всяческом, что не относилось ни к внеземной археологии, ни к ее наиболее проблемному направлению – марсианской. И если раньше археологи регулярно задерживались на раскопе с поводом, а чаще вообще без повода, ибо возвращаться в бесприютный купол станции никому особо не хотелось, то теперь уже часа за два до окончания дневных работ каждый тайком начинал посматривать на часы и готовиться к отбытию домой.

Домой!

И никак иначе!

Именно так Андрей незаметно для себя стал называть экспедиционный купол, а затем без особого удивления обнаружил, что Максим с Аглаей именуют его так же. А как называть место, где тебя всегда ждут? И пусть это всего лишь киберы и тектотон, и выполняют они, в общем-то, незамысловатую работу – готовка, стирка, уборка, – но им, космическим археологам, есть с чем сравнивать.

Вечера на станции больше не превращались в безнадежную битву с энтропией, а становились тем, чем и должны были быть – временем покоя и отдыха, когда после сытного ужина, приготовленного киберкухней по одному из бесчисленных рецептов, вкушенного к тому же за красиво сервированным столом – со скатертью и сервизом на три персоны, можно, опять же, смаковать чудесное кофе по-венски или по-турецки, сидя на диване и блаженно вытянув ноги.

Да и тектотон, в обязанность которого входило столь редчайшее умение готовить эспрессо, латте и совсем экзотический «особый старательский», оказался на редкость приятным собеседником. Он рассказывал об экспедициях, в которых побывал под началом таких легендарных первопроходцев, как Мартынов, Гансовский, Громова, Варшавский. К тому же он был докой в кофе, настоящая ходячая энциклопедия.

Слушая его рассказы об особенностях выращивания кофейных деревьев, сбора и сушки ягод, обжарки и помола зерен, Андрей даже жалел, что судьба в лице отца, потомственного археолога, занесла его на исторический факультет Института космонавтики, а не на бразильские или галапагосские кофейные плантации. А ведь помнится ботаника являлась в школе его любимейшим предметом, а вовсе не история.

В это время Максим горячо обсуждал с тостером и хлебопечкой соревнования Лунной Спартакиады, которые он, будучи на раскопках, столь досадно пропустил, но которые, к счастью, тостер и хлебопечка ему с удовольствием транслировали в записи да еще и со своими комментариями, которые, на удивление археолога, оказались весьма квалифицированными.

Аглая, в свою очередь, направлялась к новообретенной подружке – стиральной кибермашине, усаживалась на низенькой табуретке и под уютное фырчание стираемого белья обсуждала с ней нелегкие проблемы гендерной космонавтики. В ответ кибермашина делилась историями о непростой женской доле прошлых веков, когда права и обязанности женщин не шли дальше домостроя, то есть детей, кухни и домашнего хозяйства. Аглая кивала, но порой задумывалась: а так ли это плохо? И в чём оно – женское счастье?

Первый беспокойный звоночек прозвучал для Андрея тогда, когда он, оторвавшись от обсуждения с тектотоном тонкостей искусства органолептической оценки качества бодрящего напитка, осмотрелся вокруг и внезапно осознал, что уже и забыл, когда с Максимом и Аглаей устраивали вечерние посиделки, с жаром обсуждая последние достижения археологической науки.

А ведь было, было!

Собирались!

Сидели!

Обсуждали!

Да еще с каким жаром – до хрипоты, призывали на помощь цитаты из трудов светил археологии, тыкали в толстые тома «Археологического ежегодника», писали совместные статьи, оттачивая каждый тезис о перспективности марсианской археологии, хотя за последние двадцать лет дело в ней не сдвинулось дальше найденных в кавернах каменных плит то ли с письменами, то ли следами причудливой игры процессов вымывания подземными водами.

Глава четвертая. Тектотон и кофе

После возвращения с раскопок Андрей предложил Максиму и Аглае собраться в уютной компании, обсудить свежий выпуск «Вестника космической археологии». Там появилась статья Фролова, где он полемизировал с академиком Ефимовым о перспективах археологических изысканий в Поясе астероидов.

Однако Максим отговорился тем, что безмерно устал, статью не читал и вообще к Фролову относится более чем скептически.

Аглая говорить ничего не стала, лишь демонстративно широко зевнула, поправила намотанный на влажные волосы тюрбан из банного полотенца, и столь красноречиво взглянула на Андрея, что он почувствовал себя виноватым.

Окружающая обстановка тоже не располагала к научным дискуссиям. Чересчур чисто, ухожено. Не археологическая экспедиция, не палатки, не брызжащий через край энтузиазм и азарт, а размеренная жизнь внеземного филиала солидного академического учреждения.

Впрочем, после вежливого отказа от предложенной Андреем темы дискуссии, Аглая отнюдь не отправилась спать, а вернулась к обсуждению со стиральной кибермашиной извечных вопросов женского счастья, а из кухни тем временем донесся торжествующий вопль Максима, знаменующий очередной гол «Венерианского земледельца» в ворота «Марсианского строителя». В этом сезоне «Земледелец» имел все шансы выйти в четвертьфинал Кубка Солнечной системы.

– Чашечку Сан-Кристоваль? – предложил тектотон-бариста, и Андрей понял, что глаза его скользят по страницам «Вестника», совершенно не воспринимая содержания статьи. Он с облегчением отбросил журнал, принял чашечку, сделал крохотный глоток и зажмурился. Напиток имел землистый привкус, столь характерного для кофейных зерен, прибывших на Марс с Галапагосских островов.

Даже в чае не ощущался столь ярко вкус и аромат далекой и прекрасной Земли. Именно поэтому кофе и стал традиционным напитком всех, кто работал в дальнем и ближнем космосе, при том, что диетологи и врачи предупреждали о необходимости строго ограничить в рационе космонавтов долю этого стимулянта.

– Интересно, – сказал Андрей, – а никто не пробовал выращивать кофейные деревья вне Земли?

Тектотон тихонько звякнул, обращаясь к базам данных, и сообщил:

– Подобные попытки имелись, но не привели к удовлетворительному результату. Растения взошли, но не дали плодов.

– На Марсе?

– В орбитальных оранжереях, – ответил тектотон. – Высадки кофейных деревьев на планетах и спутниках не проводились.

Ну, да. Кому придет в голову и у кого найдется время заниматься еще и кофейными плантациями? Андрей заглянул в чашечку, где кофе оставалось совсем на дне, сделал еще глоточек. Их жизнь с появлением бытовой кибертехники замечательным образом преобразилась. В ней появилось то, от чего они давно отвыкли – свободное время. Время, которое можно посвятить не сну, а такому вот расслабленному существованию, столь непривычному в условиях другой планеты. И одновременно хотелось заменить эту расслабленность каким-то общественно полезным занятием.

– Гм... а если нам попробовать? – задумчиво спросил Андрей. – Так, в порядке эксперимента... Ростки попрошу прислать через «Клуб знаменитых капитанов», где-нибудь наверняка найдутся...

– Это было бы замечательно, – сказал тектотон, и в его голосе Андрею почудилась еле сдерживаемая механическим бариста радость. Впрочем, откуда у железного механизма она могла появиться?

Не откладывая дело в долгий ящик, Андрей бросил клич и получил немедленный ответ, и не откуда-нибудь, а с «Гагарина» – орбитально-транспортного кольца вокруг Земли. ОТК «Гагарин» еще достраивался, но многочисленные оранжереи работали и давали обильные гидропонические урожаи фруктов и овощей в закрома Солнечной системы. Неутомимые мичуринцы в очередной раз посрамили вейсманистов-морганистов. Выращивали самые экзотические растения и гибриды, но кофейные деревья не желали приживаться в условиях орбитальных питомников. Руководитель гидропонического хозяйства с радостью ухватился за предложение Андрея опробовать высадку растений на Марсе и пообещал прислать несколько превосходных образцов.

– Вы же понимаете, Андрей, – говорил руководитель гидропонического хозяйства, вытирая обильно потеющую лысину и сам немного походивший на лягушку от долгого пребывания среди цистерн с питательной жидкостью, – никого не попросишь сделать пробы на Марсе или Венере, на Амальтее или Титане. У всех свои программы исследования, все заняты по горло,

не до ботаники. Ваше начинание – очень благородно, очень! – Руководитель даже промокнул глаза, словно расчувствовавшись до слез.

Андрей слабо отбивался от изливающихся в эфир благодарностей, а через несколько дней – поразительная оперативность для межпланетных грузопотоков – уже держал тщательно упакованный контейнер с ростками. С помощью тектотона и под скептическими взглядами товарищей, зеленые растеньица были высажены в импровизированной оранжерее, ради чего пришлось вынести несколько десятков коробок с научной литературой в чухлому, как Аглая почему-то называла склад для хранения всего того, что им вряд ли понадобится, но что категорически запрещалось выбрасывать.

Глава пятая. Кофе и обман

Максим плотнее запахнул доху, поправил дыхательный аппарат и помахал краулеру. Плотные клубы пыли вырывались из под гусениц, крошечные песчинки ударялись в стекла защитных очков. Когда машина скрылась за барханом, Максим вернулся в купол. Если честно, ему было стыдно. Чуть-чуть стыдно, говоря точнее. И от этого «чуть-чуть» градус стыда еще немного подскакивал, но, к счастью, не до того деления, когда покалывание в пылающих ушах переходило в угрызения совести. Чего-чего, а угрызений Максим не чувствовал. Подумаешь! Один раз не поехал на раскопки. Делов! У него целых два железокерамических аргумента: во-первых, ничего сегодня на раскопках они все-равно не найдут, равно и завтра, но завтра Максим как свежий, крепенький огурчик будет на своем рабочем посту; во-вторых, сегодня решающий матч «Крыльев Марса» и «Лунного пахтакора».

Решающий!

Сегодня!

Конечно, матч можно посмотреть и в записи, но разве это сравнится с прямым репортажем?! И пусть играют команды в Лунограде, откуда сигнал до Марса идет десяток минут, ну так это ничего, смотреть и слушать будут не только на Луне, по всей Солнечной системе тысячи болельщиков прильнут к теле- и радиоприёмникам, невзирая на время, необходимое сигналу добраться до наиболее отдаленных баз и лабораторий. Даже на спутниках Нептуна болельщики будут слушать прямую трансляцию, которая долетит туда аж за четыре часа. Так что Максим находится практически в эпицентре встречи сильнейших команд Солнечной системы по хоккею. А хоккей, если кто не знает, – любимая игра всех космонавтов.

– В хоккей играют настоящие мужчины, трус не играет в хоккей, – пропел Максим, скидывая доху и сдирая унты. О том, что ему пришлось солгать товарищам о несуществующем недомогании, как симптоме легкой простуды и поводу к тому, чтобы провести денек в постельном режиме, он и думать забыл.

Как назло день на раскопках выдался суматошный. Бушевавшая накануне пылевая буря вывела из строя киберархеологов, которые прокладывали новую траншею. Интуиция, нередко подводившая Андрея, тем не менее подсказывала – именно в новом раскопе они имеют шансы наткнуться на следы Великой Марсианской Цивилизации. И тогда Сароян, высмеивающий все археологические находки, сделанные на Красной планете за последние пятьдесят лет, приписывая их причудливой игре естественных сил природы, должен будет раскаться во всех преступлениях перед марсианской археологией и перед академиком Ефимовым лично.

Ремонтироваться киберархеологи категорически отказывались – пыль что-то нарушила в системе управления и координации, отчего машины бестолкова слонялись по раскопкам, немилосердно закапывая проложенные траншеи и принимаясь их рыть там, где не предусматривалось никакими планами.

Андрей и Аглая большую часть дня бегали за обезумевшими машинами, а меньшую – от них, решивших, будто странные существа в мохнатых одеяниях представляют особый интерес

для археологии. Вымотались жутко, но в довершение ко всем несчастьям, сделав, наконец-то, прозвон контуров управления и сверив с каталогом запасных частей, Андрей обнаружил – нужных модулей у них нет. Значит, придется останавливать раскопки до тех пор, пока запчасти придут с Земли, а до того пребывать в простое с неясными перспективами.

Грязные, уставшие, обездоленные, они ввалились в жилой купол, и первое, что увидел Андрей, – улыбающегося во весь широкий рот Максима, чья любимая команда с огромным трудом, но все же вырвала победу из рук «Лунного пахтакора». И вместо того, чтобы порадоваться столь скорому излечению прихворавшего товарища, Андрей взбеленился. Начальственной интуицией, обострившейся после тревожных дней, он понял – никакой болезни у Максима и не было, а имелся вопиющий факт симулянтства, за что в военное время наказывали высшей мерой. К несчастью, военного времени пока не объявили, а потому приходилось применять менее эффективные формы наказания – выговор и наряд вне очереди. Да и последнее, чего скрывать, в условиях торжества бытовой кибертехники, являлось условностью.

Аглая, покачав головой, Максима защищать не стала, но и Андрея поддержать не захотела, а отправилась в душ, а затем – в «девочкиный клуб», как она про себя называла постирочный отсек. Максима Аглая не оправдывала, но понимала. Особенно после ЧП на раскопках. И закралась ей в голову мысль: что, если по случаю поломки основных киберов, Андрей объявит вынужденную приостановку раскопок? Тогда не нужно будет тащиться в поле под пронизывающий даже доху и термобелье марсианский ветер.

Настроение Аглаи улучшилось.

Глава шестая. Обман и вера

Лицо академика Ефимова на экране космической связи выглядело серым, морщинистым, изможденным. Андрей поразился изменениям к худшему, которые в нем произошли. Застарелая лучевая болезнь продолжала подтачивать казалось бы несокрушимый никакими недугами могучий организм Ивана Антиповича.

– Как наши дела? – спросил Иван Антипович.

«Наши дела хорошо!» – хотелось отрапортовать Андрею, глядя в глаза учителя, которые даже отсюда, из космического далека казалось присыпаны пеплом с трудом одолеваемой муки. – «Следы Великой Марсианской Цивилизации найдены! Как вы и предсказывали в многочисленных работах! Ваши оппоненты посрамлены!»

Ему очень этого хотелось. Очень. Но подобного он, к сожалению, сказать не мог. Ничего они не нашли в этой самой Обсерватории. Песок и камни. Камни и песок. Тут даже воды не было. Ни единой каверны, которая хоть как-то могла оправдать археологические раскопки, и за что в Теплом Сырте им сказали бы большое человеческое спасибо. Но язык не поворачивался признаться даже в том, что учитель и так знал из ежедневных отчетов.

Андрей понурил голову. Самое печальное, он понимал суть вопроса. Суть заключалась в простой вещи, без которой однако невозможны никакие археологические изыскания.

Вера.

Необходима вера, чтобы искать, просеивать тонны пустой породы, тщательно осматривать и анализировать тысячи камней, в которых, при большой фантазии, можно усмотреть материальные свидетельства исчезнувшей миллионы лет назад цивилизации... но именно что при большой фантазии и именно что усмотреть... Потому как тесты по методу академика Ефимова на микровкрапления, то есть мельчайшие остатки тех инструментов, которыми могли обрабатываться эти камни, неизменно давали отрицательный результат.

Шлиман верил, что отыщет Трою, и сделал величайшее археологическое открытие.

Да что Шлиман! Никто не верил, что на безжизненной, раскаленной Венере можно отыскать хоть какие-то следы существовавшей когда-то жизни. И только Иван Антипович Ефимов,

тогда всего лишь скромный научный сотрудник Института космических исследований, верил. И нашел. После долгих, упорных поисков, оставив в черных радиоактивных песках проклятой Земли Иштар большую часть своего богатырского здоровья, за что и расплачивается до сих пор.

И вот Марс. И вот его лучшие ученики. Последняя надежда подтвердить теорию, которую академик разрабатывал многие годы, теорию «Пояса Жизни», охватывающего три планеты земного типа, а может и четыре, если включить в него Фаэтон, разорванный приливным действием Юпитера. И если бы удалось отыскать следы Великой Марсианской Цивилизации, то дальнейшие поиски перенесли бы в Пояс астероидов.

Но Андрей не верил.

Ничего не мог с собой поделать. Более того, он знал: потеряли веру и Максим с Аглаей. И не последнюю роль в прогрессирующем неверии сыграли эти чертovsky бытовые киберудобства. Нет, конечно же, не тостер, не стиральная кибермашина, ни киберкухня и не тектотон-бариста явились главной причиной, но они ускорили процесс.

Академик продолжал расспрашивать. Но из его голоса ушло нечто очень важное и нужное Андрею. И только когда сеанс связи закончился, он понял – что именно.

Иван Антипович тоже больше не верил.

Не в свою теорию, нет.

В своих учеников.

Андрей долго сидел за столом, бездумно перелистывая дневник экспедиции. Потом выключил планшет, и с силой ударил кулаком по столешнице. А затем еще раз.

Глава седьмая. Вера и бездействие

Утром Аглая застала на кухне драку. Точнее, драка еще не началась, но дело шло именно к тому, чтобы ею всё увенчалось. Андрей стоял перед Максимом, держа наизготовку молекулярный паяльник и брикет молекулярной канифоли, а Максим судорожно прижимал к груди полуразобранный тостер, издававший странные звуки, похожие на всхлипы напуганной собачонки.

– Что за шум, а драки нет? – поинтересовалась Аглая.

– Сейчас будет, – мрачно пообещал Андрей, подступая к Максиму.

– Ты не посмеешь! – завопил Максим и уперся спиной в холодильник. – Это ценный прибор!

– Даже не представляешь насколько, – ответил Андрей. – В нем вмонтирована крохотная деталька ка-пэ-два-у-эф-три, которая мне позарез необходима, и клянусь вот этим паяльником, – он воздел вверх руку, – я вырву ее из внутренностей этого проклятого тостера.

– Ну, в самом деле, Максим, зачем тебе тостер? – зевнула Аглая. – Гренки и на сковороде жарятся прекрасно.

– Вы не понимаете, не понимаете, – пробормотал Максим. – Он не просто тостер, он не просто...

– Кстати, Андрей, а для чего тебе эта самая капэ... как там ее? – Аглая приняла из рук тектотона чашку кофе и отхлебнула.

– Для того, что эта самая капэ абсолютно аналогична капэ, встроенной в киберархеологов, которая как раз и вышла из строя, – ответил Андрей, пристально следя за Максимом. – И если я ее сейчас получу, а я ее получу, – сказал он зловеще, – то на раскопках не потеряем ни единого дня из-за простоя.

– Не отдам, – упрямо сказал Максим. – Вытаскивай эту деталь откуда хочешь!

– Один модуль я почти вытащил, дело за вторым. Который в тостере.

Аглая забеспокоилась. Она поставила кружку на стол и внимательно осмотрелась. Больше ни один прибор из киберутвари не пострадал. Все выглядело целым, без следов насилия молекулярным паяльником.

– Андрей, – позвала Аглая, затем громче, так как тот не обратил на нее внимания, – Андрей, откуда ты взял еще один модуль?

– Пока не взял, там схема запутанная. Но возьму. Из стиральной машины, – небрежно сказал он. – Запас чистого белья у нас имеется, обойдемся без нее.

Аглая развернулась и бросилась в отсек, где стояла машина. Развороченные внутренности и тускло мерцающая лампочка аварийного режима подтверждали слова начальника экспедиции.

– Собери, – потребовала она, вернувшись на кухню. – Собери ее обратно и немедленно!

– Вы с ума сошли, – с изумлением сказал Андрей, поглядывая то на разъяренную Аглаю, то на испуганного Максима, все еще прижимающего к себе тостер, как щенка, которого хотят отвезти на живодерню. – Вы оба сошли с ума! Вы разве не понимаете, что без этих чертовых деталей мы провалим экспедицию? От нас ждут результатов... Всё научное сообщество ждет... Иван Антипович ждет... вы этого не понимаете?!

– Мы копаемся тут второй месяц, – сказал Максим, – и даже намек на результат не получили. Песок да камни. Ты сам не понимаешь! На экспедиции пора ставить крест. Нет здесь никаких следов Великой Марсианской Цивилизации. Нет! Ни единого! – голос Максима стал громче, дрожь из него исчезла. – И то, что наш любимый учитель академик Ефимов писал о ней, сидя в Ленинграде, не соизволив разок слетать на Марс, всего лишь игра досужего ума... если не сказать хуже... – лицо и уши Максима пылали, по всему было видно – он высказал наболевшее.

– Тебе напомнить историю археологии? – поинтересовался Андрей, еле сдерживаясь. – Говоришь – два месяца? А два года? Два десятилетия? Как тебе такие сроки? И это не на Марсе! На Земле, напоминаю тебе. Сколько лет Фролов искал Атлантиду? Ну-ка, напомни мне? И это при том, что Атлантида в академических кругах считалась мифом, сказкой, выдумкой Платона! А сибирские мегалиты? Аглая, подскажи этому любителю гренок – какую часть своей короткой жизни Гриневский убил, чтобы выйти на след гиперборейских поселений? Может, скажешь, у него были идеальные условия для раскопок? За полярным кругом, на дне океана?

– А сколько этих самых модулей в баристе? – вдруг спросила Аглая, разглядывая замершего в углу тектотона. – Ну, капэдвауфэтри? Только честно!

– Какое это имеет значение? – Андрей пожал плечами. – Это тектотон, а не какая-то стиральная кибермашина или тостер.

– Сколько? – Аглая требовала ответ. – Не желаешь отвечать? Отлично. Спросим у него. Эй, тектотон! Отвечай!

– Четыре модуля указанной вами маркировки, – прогудел тектотон. В кухне запахло свежесваренным кофе. – Однако изъятие даже одного модуля выведет меня из строя.

– Ничего страшного, – сказал Максим. – Без кофе обойдемся. Будем пить растворимый. Или чай заваривать.

– Зато белье сможем каждый день стирать, – подхватила Аглая, – и ходить во всем чистом, а не как поросята. Ну, начальник, что важнее? Гигиена или кофе? Которое, кстати, потребляешь в основном ты и в количествах, не рекомендованных космической медициной.

Андрей скрестил руки на груди и хмурился. Потом нехотя сказал:

– Хорошо, сегодня в поле не работаем. Приводите в порядок записи, полевые дневники, отчеты. Я постараюсь ускорить доставку запчастей.

Глава восьмая. Бездействие и отчаяние

Андрей снял наушники и с раздражением бросил их на стол, заваленный бумагами и залепленный многочисленными листочками, на которых отражалась история звонков по станциям и весям Солнечной системы. Наверняка в узле связи Теплого Сырта девушки-телефонистки его проклинали. Весь день, который следовало провести на раскопках, он убил на поиски посылки с этими проклятыми модулями КП2УФЗ, будь они трижды неладны!

Луноградский зип-коллектор информировал: модули отгружены, номер отправления такой-то, но в неразберихе космических грузопотоков следы посылки то прерывались, то возникали в самых неожиданных местах. Андрею казалось, посылка живет собственной весьма насыщенной жизнью, решив посвятить изрядную ее часть облету внеземных поселений, при этом забираясь в столь отдаленные уголки, где и людей-то не наблюдалось, а функционировали полностью автоматизированные станции-тектотоны.

Впрочем, учитывая фантастическую скорость передвижения указанного отправления, которая на некоторых участках превышала скорость фотонных прямооточников, Андрей сообщил: никаких эволюций в межпланетном пространстве посылка, скорее всего, и не совершает, а покоится в каком-то коллекторе, и лишь ее цифровое альтер эго скачет из базы данных в базу. В лучшем случае модули уже доставлены в Теплый Сырт и ждут очереди на отправку археологической экспедиции.

О худшем Андрей старался не задумываться.

А вот о завтрашнем дне подумать следовало. Если судьба модулей не прояснится, придется извлечь их либо из стиральной кибермашины и тостера, либо... либо из тектотона. Который стоял тут же, в его закутке, услужливо подливая в чашку кофе. Пить кофе Андрей больше не мог, но упрямо продолжал отхлебывать, словно пытаясь насытиться перед неизбежным расставанием с любимым напитком. А ведь есть еще кофейные деревья в оранжерее! Которые споро подрастали в условиях пониженной гравитации, но до получения первого урожая еще ох как много времени. Им требовался тщательный уход, который обеспечивал тектотон. Но если его не будет...

Андрей скрипнул зубами и вновь напялил наушники. До завтра еще уйма времени. И он сделает все, чтобы разобраться в посылочном хаосе, творящемся на просторах Солнечной системы.

– Я могу чем-то помочь? – спросил тектотон, держа на вытянутых манипуляторах хромированный кофейник и фарфоровую чашечку.

Андрей ощутил укол раздражения, а затем раскаяния. В чем машина виновата? Лишь в том, что в ее внутренностях находятся крошечные детали, которые позарез нужны археологическим киберам и которые он, Андрей, всего лишь некоторое время назад не задумываясь извлек бы из тектотона, приведя того в негодность. Но сейчас... сейчас это казалось чудовищным поступком, словно ради общего спасения от смертельной опасности предстояло пожертвовать даже не собой, а товарищем. Который, к тому же, ничего не подозревает, ибо у него, Андрея, язык не поворачивается ему об этом сказать.

Да и что он может объяснить тектотону? И что тектотон должен понять? Он наверняка не раз и не два оказывался в ситуации, когда приходилось встречать опасность своим стальным телом, тем самым оберегая отважных первопроходцев. Но то были героические времена. А что сейчас?

Кончиками пальцев помассировав веки Андрей сказал:

– Завтра... то есть, уже сегодня мне придется тебя... остановить.

Тектотон ничего не ответил. И это было... это было как-то очень по-человечески... Члену команды сообщают: придется пожертвовать жизнью, а он в ответ не делает шаг впе-

ред, как сплошь и рядом происходит в героических фильмах про космических первопроходцев, не салютует безмолвному ряду товарищей, произнося мужественным с хрипотцой голосом: «Служу человечеству!», в общем, ведет себя не как киногерой, а как и должен вести себя обычный человек, который боится смерти, но пересиливает липкий страх, дрожь в коленях, путаницу мыслей: «Как же так?! Где справедливость?! Почему именно я?!» И потому молчит, собирая силы и волю в кулак.

– Понимаешь... это не надолго... не навсегда, – заторопился объяснять Андрей. – В тебе есть детали, которые позарез нам необходимы... без них наша работа остановилась... важная работа, результаты которой очень ждут... – Андрей резко прервал сам себя, поняв что начинает лгать.

Кто ждет?! Академик Ефимов? Единственный в Институте космической археологии, кто верит – так называемая Обсерватория, нагромождение странного вида камней, обнаруженная в далекие времена первых высадок на Марс, на самом деле – зримый след Великой Марсианской Цивилизации. И лишь громадный авторитет Ивана Антиповича поддерживает мандат археологической экспедиции на Марсе, народный комиссар которого уже косо поглядывает на археологов при каждом их посещении Теплового Сырта и намекает на разбазаривание необходимых фалангистам ресурсов на второ- и третьестепенные дела.

Если бы Андрей знал – трудно не только ему, он вряд ли испытал хоть малейшее облегчение. Разве что ощутил себя полным идиотом. Он смущался признаться тектотону, что того придется разобрать на запчасти, тогда как Максим, тяжело вздыхая и утирая щеки, прощался с любимым тостером, с которым пережил столько острых голевых моментов во время трансляций футбольных и хоккейных матчей, а Аглая, почти глотая слезы, гладила никелированный бок стиральной кибермашины, ставшей ей подружкой, с которой можно поделиться тем, о чем не заикнешься ни Андрею, ни Максиму, для которых она была не девушкой, а верным боевым товарищем, этаким Д'Артаньяном в юбке, которую она, к слову, уж и забыла когда в последний раз надевала.

Глава девятая. Отчаяние и погоня

Ночью Андрею приснилось, будто во время перехода к Теплому Сырту на экспедиционных краулерах у него в дохе отказала система подогрева, отчего он дьявольски мерз, хлопал себя по предплечьям, прыгивал с пассажирского сидения на мерзлый песок и бежал за машиной, чтобы согреться. И в одну из таких пробежек сидящий за рычагами Максим дал ходу, краулер рванул, выбросив тучу песка, а когда Андрей все же преодолел пылевую завесу, то след машины простыл, зато на горизонте разливалось угрожающего вида чернильное пятно – предвестник бури.

С чудовищным усилием Андрей вырвался из тисков ледяного сна. В каюте стоял бодрящий морозец, а тонкое одеяло тепла не прибавляло. Мелькнула мысль: Максим, известный любитель моржевания и закаливания, что-то намудрил в терморегуляторе, однако характерное пыхтение охладителей отсутствовало. И вообще, в куполе царила настораживающая тишина. Будто чего-то не хватало. Настолько привычного, что Андрей затруднялся определить – чего именно.

Заставив себя выбраться из-под одеяла, встать голыми ступнями на ледяной пол, он закричал, пошарил на стуле в поисках одежды, которую там каждое утро укладывал сервисный кибер, предварительно ее почистив и погладив, однако ничего не нашел. Чертыхнувшись, Андрей включил ночник, еще раз убедился в отсутствии рабочего комбинезона, достал из шкафа махровый халат, единственную вещь, которую привез на Марс из дома, укутался в него, сунул ноги в подвернувшиеся запасные унты.

Тут дверь в каюту распахнулась, внутрь просунулась голова Максима с растрепанными волосами, он ошалело уставился на замершего Андрея, и хрипло сообщил:

– Ушли! Представляешь? Все до единого ушли! И даже купол как следует не задраили!

– Наказать, – застучал зубами Андрей, смутно соображая – кто ушел, куда ушел, и кто виноват в столь вопиющей халатности как тепловая разгерметизация жилого купола. – С занесением... в личное дело...

В полутемную каюту ворвался сноп яркого света:

– Вот вы где, – раздался голос Аглаи. – Уже знаете?

– Знаем, – отозвался Максим.

Фонарь осветил фигуру до сих пор ничего не понимающего Андрея, который в халате и унтах выглядел весьма потешно, но никто из товарищей даже не улыбнулся.

– Попробую запустить тепловые панели, – сказала Аглая. – И надо входной люк почистить от песка, а то так и будем весь Марс обогревать.

– Стоп машина, – сказал Андрей, прежде чем Аглая успела исчезнуть. – Еще раз и по порядку. Максим, начинай.

– Что тут начинать? – Максим пожал плечами. – Всё как в сказке. Знаешь такую? Скачет сито по лугам, а корыто по полям... вот они и скачут... тектотон твой, полотеры, киберкухни, стиральная машина, даже тостер скачет, хотя ему на что обижаться? Я ведь его... я ведь...

Андрей схватился за грудь, нащупал отчаянно стучащее сердце, словно пытаясь убедиться, что не спит, а вполне себе бодрствует, несмотря на творящийся вокруг абсурд.

– Ты хочешь сказать... хочешь сказать, что наша бытовая кибертехника... – он сглотнул, но всё же выговорил: – Исчезла?

Тысячи мыслей одновременно пронеслись в голове. И великолепным алмазом среди них блеснула такая: Марсиане! Пока они занимались раскопками несуществующей ВМЦ, инопланетные аборигены вели за ними пристальное наблюдение, а затем набрались храбрости, проникли в жилой купол и забрали с собой всю бытовую технику, как древние земные воришки. Вот только концы с концами не сходились в весьма привлекательной гипотезе. Зачем марсианам тостер? Или стиральная машина? А пылесос? Тектотон-бариста?

– Ушла, – мрачно поправил Максим, Аглая же вздохнула. Приставила фонарь к подбородку и скорчила физиономию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.